

Николай Rostov

Подлинная история России

РОМАН ПЕРВЫЙ
В ЧЕТЫРЁХ КНИГАХ

Все книги в одном томе

ФЕЛЬДЪЕГЕРЯ
ГЕНЕРАЛИССИМУСА

18+

Николай Rostov

**Фельдъегеря генералиссимуса.
Роман первый в четырёх
книгах. Все книги в одном томе**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Rostov Н.

Фельдъегеря генералиссимуса. Роман первый в четырёх книгах. Все книги в одном томе / Н. Rostov — «ЛитРес: Самиздат», 2015

История девятнадцатого века — как, впрочем, история любого другого века — есть, в сущности, величайшая мистификация, т. е. сознательное введение в обман и заблуждение. Об одной такой мистификации девятнадцатого века этот роман.

Содержание

Книга первая	5
Предисловие к роману первому серии «Подлинная история России от великого царствования Павла I до наших дней, или История России Тушина Порфирия Петровича в моем изложении» и эпилог к девятнадцатому веку	5
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	20
Глава седьмая	22
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	32
Глава одиннадцатая	37
Глава двенадцатая	40
Глава тринадцатая	43
Глава четырнадцатая	46
Глава пятнадцатая	49
Глава шестнадцатая	51
Глава семнадцатая	55
Глава восемнадцатая	56
Глава девятнадцатая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Rostov
Фельдъегеря генералиссимуса.
Роман первый в четырёх
книгах. Все книги в одном томе

Книга первая

**Предисловие к роману первому серии «Подлинная
история России от великого царствования
Павла I до наших дней, или История России
Тушина Порфирия Петровича в моем
изложении» и эпилог к девятнадцатому веку**

История девятнадцатого века – как, впрочем, и история любого другого века – есть, в сущности, величайшая мистификация, т. е. сознательное введение в обман и заблуждение¹.

Зачем мистифицировать прошлое, думаю, понятно.

Кому-то это выгодно.

Но не пытайтесь узнать – кому? Вас ждет величайшее разочарование.

Выгодно всем – и даже вам, не жившим в этом удивительно лукавом веке!

В августе месяце 1802 года два императора, русский и французский, встретились на Мальте.

Прутиком на мальтийском песке нарисовали они карту Мира.

Потом эту карту они приложили к Договору, который и подписали там же – на Мальте.

На два десятилетия вперед определил судьбу Европы этот Договор!

Но кто помнит название этого Договора, а у него их было аж целых три?

Мальтийский Договор, Договор на Песке, Договор о внутренних морях.

По этому Договору Черное море должно было стать внутренним морем России, а Средиземное – Франции.

Таковыми они и стали в 1806 году.

Никто не помнит!

Вычеркнут, вымаран, будто История пишется сначала на черновиках, а потом переписывается на белое.

Впрочем, так оно и есть.

Но упаси нас Боже от времени, когда этот черновик извлекается из небытия и становится беловиком Истории.

¹ Так, по крайней мере, толкует это слово Ожегов (Словарь русского языка, состав. С. И. Ожегов, третье издание, М., 1953 г., с. 314). Сразу же хочу предупредить, что все последующие сноски и примечания в моем романе будут следовать, набранные мелким шрифтом, непосредственно за текстом, к которому они относятся. Это сделано исключительно для того, чтобы не затруднять ваше чтение. К тому же, как правило, их или вовсе пропускают, или прочитывают после прочтения всей страницы, а этого мне бы не хотелось, так как мои примечания играют, смею думать, наиважнейшую роль в моем романе.

Передел Истории страшней передела Мира. Пример тому Симеон Сенатский, старец Соловецкого монастыря, в миру Александр Романов, постригшийся в монахи сразу же после неудавшегося покушения на жизнь его отца – императора Павла I.

Ходили слухи, что он, Александр, в этот заговор был замешан. Но это были всего лишь слухи. Расследование ведь не проводилось.

Никто из заговорщиков не пострадал, если не считать, конечно, Беннегсена, убитого, так сказать, в пылу самого заговора.

Император поступил по-рыцарски.

«Судией вам будет Бог!» – сказал он графу Палену, главному заговорщику.

Граф эмигрировал в Англию.

Повешен на рее русского фрегата «Русская Византия» в 1806 году.

За это самовольство командир фрегата был разжалован Павлом I в матросы.

«Вперед Бога и меня посмел, – сказал при этом император. – За то и наказан, чтоб другим не повадно было!»

Разжалованный в матросы капитан второго ранга Корсаков так и не был прощен, даже посмертно. Погиб в Трафальгарском сражении в том же году; а милости, как тогда говорили, на участников сего победоносного для России и Франции сражения сыпались из рук двух императоров – Павла I и Наполеона – изобильно.

После известных всем событий, произошедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, сей старец обнародовал свою так называемую Историю Александрова царствования.

Что из этого вышло, всем хорошо известно.

Подлинная История России разошлась на анекдоты, как вчерашняя газета – на самокрутки.

С документальной точностью уже доказано, что эти события произошли на тринадцать лет раньше, т. е. в 1812 году, но я оставил прежний год, так как у широкой публики двенадцатый год ассоциируется с другими событиями. Не буду говорить, произошли эти другие события на самом деле или были смистифицированы. Отошлю к моему роману второму «Симеон Сенатский и его так называемая История Александрова царствования».

Те же герои, но в еще более невообразимых обстоятельствах.

Не сомневаюсь, кто-то из моих читателей с негодованием сейчас захлопнул мою книгу! Так я им, так сказать, вдогонку хочу сказать: «Может быть, вы и правы – и Историю нашего Отечества вы знаете превосходно, но уверяю вас, История России Порфирия Петровича Тушина в моем изложении ничем не хуже и уж точно правдивее многих других Историй России. Впрочем, не мне об этом судить, а вам».

И последнее. Жанр своего романа первого я так и не определил. Это и исторический роман, и детективный – одновременно; но отнюдь не историческая сказка – и, конечно же, не мистификация.

Да, вот еще что. Хотя нет. Об этом я скажу позже в послесловии к своему роману.

Не советую его вам сейчас смотреть. Прежде роман прочитайте. А впрочем, как хотите. И все же... не советую!

12 марта 1801 года

Лишь мгновение колебались на весах Судьбы чаши Жизни и Смерти. В спальню ворвался конногвардейский полковник Саблуков.

Беннегсена он ударил пудовым кулаком в грудь, и тот, выронив шпагу на пол, упал замертво. Братьев Зубовых схватил за уши (Платона – за левое ухо, а Николая – за правое) и принудил встать их передо мной на колени; потом он их отшвырнул в угол.

Остальные заговорщики пришли в себя и ошетинились шпагами. Полковник Саблуков снял со стены алебарду и, как оглоблей, прошелся по ним.

Мне показалось, что он обращается с ними как с разбойниками. Такими они, в сущности, и были, раз подняли руку на своего Государя.

В спальню вбежали его молодцы-конногвардейцы. «Сир, – сказал мне тогда полковник, – Вам необходимо показаться войскам». Я в горячке было пошел за ним, но остановился. «В ночной рубашке, – улыбнулся я ему, – и босым?»

Кто-то из его молодцов одолжил мне свой мундир. В этом мундире я и предстал перед своими верными войсками.

Они стояли побатальонно и троекратным ура встретили наше появление на крыльце.

«Вы спасли от смерти не только меня, своего Государя! – сказал я полковнику со слезами на глазах. – Вы спасли Россию!»

Три дня ликовал Петербург по случаю моего счастливого избавления от смерти.

(Дневник Павла I, перевод с французского А. С. Пушкина.)

Подлинность этого Дневника до сих пор оспаривается, точнее – оспаривается авторство императора Павла I на том основании, что оригинал до сих пор не найден, а есть только пушкинский его перевод. Мол, сам Пушкин его и сочинил, правда на основании событий той мартовской ночи – и выдал за Дневник Павла I. Но по большому счету это не имеет никакого значения, так как подлинность тех событий неоспорима.

Глава первая

Порфирий Петрович Тушин в отставку вышел по болезни в чине артиллерийского капитана.

Болезнь приключилась после контузии.

Турецкое ядро ударило ему под ноги и перелетело через его голову; он опрокинулся на спину и сильно ударился затылком о землю.

Очнулся он только на следующий день в лазарете.

Болезнь его была престранная. Порфирий Петрович вдруг ни с того ни с сего впадал в немое оцепенение – и стоял этакой античной статуей минут пять, а то и больше.

Разумеется, он не видел и не слышал, что происходило вокруг него в тот момент. Другие картины клубились в его больной голове. Поначалу он чуть не сошел из-за них с ума, но потом к ним привык и даже стал извлекать для себя пользу.

О своих клубящихся картинах он никому не говорил даже будучи пьяным. А запил он сразу же, как вышел в отставку.

Из запоя выбрался через год. Мирная деревенская жизнь потихоньку ввела его, как говорится, в разум. Он занялся хозяйством в своем небольшом подмосковном поместье и достиг на этом поприще удивительных результатов.

На этой почве Порфирий Петрович и сошелся коротко в 1801 году со своим соседом – графом Федором Васильевичем Ростопчиным, а граф был в больших чинах, хотя и в отставке, но не по болезни, а по высочайшему гневу императора Павла I!

У них у обоих все было в прошлом, и они проводили долгие часы в жарких спорах о пользе для полей немецкой купоросной кислоты и русского навоза (последнему Порфирий Петрович отдавал предпочтение), о достоинствах американской пшеницы или английского овса и о прочих сельских премудростях. И в редких случаях Порфирий Петрович не брал верх в этих спорах, а ведь граф Ростопчин знатоком тоже был изрядным.

И вот как-то раз июльским вечером они сидели в кабинете Федора Васильевича, сумерничали.

Шафрановая полоса заката лежала на стеклах книжных шкафов, играла радугой в хрустале графина с водкой. И только Порфирий Петрович поднес ко рту рюмку, как впал в свое немое оцепенение.

Граф обомлел!

Конечно, он слышал о болезни капитана в отставке, но впервые наблюдал ее воочию.

Приступ через минуту прошел. Порфирий Петрович как ни в чем не бывало привычно опрокинул рюмку в рот, закусил малосольным огурцом. Лицо его засияло, что закатное шафрановое солнце.

– Простите, любезный Федор Васильевич, – сказал он. – Последствия контузии.

– Что вы, Порфирий Петрович! – возразил граф. – Какие могут быть извинения?

– Да, разумеется, но... – Порфирий Петрович замолчал, встал из кресла, прошелся по кабинету, подошел к графу и протянул руку: – Позвольте откланяться. Прощайте.

– Помилуйте! – изумился Федор Васильевич, пожимая руку Порфирия Петровича. – Что случилось?

– Случилось, что должно было случиться! – заговорил с одушевлением Порфирий Петрович. – Завтра Вы уедете в Москву, и надеюсь, граф, иногда будете вспоминать наши беседы и меня... грешника.

– В Москву? Зачем в Москву? В никакую Москву я не собираюсь! – изумление графа росло.

– Не думайте. Я не сошел с ума. Сейчас к Вам прибудет курьер с императорским Указом. Вы назначены на пост московского генерал-губернатора.

Лицо графа приняло озабоченный вид. Более того, он был в некоем замешательстве. Несомненно, отставной капитан на его глазах сошел с ума, и он уже хотел крикнуть своего слугу Прохора, чтобы тот послал за доктором, как сам Прохор вошел в кабинет. И что удивительно, слуга был в не меньшем изумленном замешательстве, чем его хозяин.

– К Вам... император, – только и успел вымолвить он.

В кабинет вслед за Прохором вошел, нет, конечно, не император, а фельдгегерь – дюжий молодец в запыленном мундире.

– Ваше превосходительство, – обратился он к графу, – Вам Указ от государя императора, – и торжественно вручил пакет Федору Васильевичу.

Указ государя императора был лаконичен, как реплика в анекдоте.

В московские генерал-губернаторы. Немедля!

Павел

Свои белые кулачки сжал до хруста Федор Васильевич Ростопчин, когда прочитал сей Указ, и тотчас преобразился.

– Все свободны, – сухо сказал он, и всем вдруг почудилось, что на нем не турецкий халат, а генеральский мундир. – А вы, Порфирий Петрович, оставайтесь, – добавил он не так строго.

– Как? Откуда вы узнали? Непостижимо! – с жаром заговорил граф, когда слуга и фельдгегерь вышли из кабинета. – Расскажите. Мистика!

– Никакой мистики, – спокойно ответил Порфирий Петрович.

– Никакой? Не поверю!

– Разумеется, никакой мистики. Мы, артиллеристы, как вам известно, народ ученый. Вычислить, куда ядро полетит, нам ничего не стоит. Артиллерийская математика помогает.

– При чем здесь ядро?

– А при том, ваше превосходительство, что когда я фельдгегерскую тройку в окне увидел, то и рассчитал ядро вашей судьбы. Фельдгегерь... значит... от государя императора... и непременно... с Указом. С каким? Тут я рискнул предположить, что с назначением вас на пост московского генерал-губернатора. Нынешний уж больно стар, и поговаривают, что в мартовский заговор был замешан. И, как видите, не ошибся! Артиллерия редко ошибается.

– Путаешь ты меня, Порфирий Петрович, – недовольно проговорил Ростопчин. – Ну да ладно! Не хочешь говорить правду... Бог тебе судья. – И Федор Васильевич пристально посмотрел в глаза отставного артиллериста. – А не пойдешь ли ты ко мне служить, Порфирий Петрович? – вдруг спросил он его неожиданно.

– Увольте, граф. Какой из меня чиновник?

– Обыкновенный, правда ядра судьбы математикой рассчитывает! Такие мне и нужны.

– Осени надо дожидаться, – заколебался Порфирий Петрович, – урожай собрать, а там и подумать.

– Что ж... думай! Я не тороплю.

На этом они и расстались.

В конце октября Порфирий Петрович получил письмо от графа Ростопчина. Граф не забыл их летний разговор. Не забыл и Порфирий Петрович. Он решительно отказал московскому генерал-губернатору! О чем и написал в ответном письме.

Больше писем от графа не было, но через три года, в декабре 1804 года, к Порфирию Петровичу прибыл от Ростопчина драгунский ротмистр Марков.

Ротмистр был пьян и чем-то напуган. С двумя заряженными пистолетами в руках и двумя за поясом он вывалился из саней – и давай палить во все стороны. Пришлось пьяного драгуна связать.

На следующий день, отпоив ротмистра огуречным рассолом, Порфирий Петрович стал его расспрашивать. Но ничего вразумительного драгун ответить не мог и только твердил: «Двадцать пять фельдъегерей коту под хвост, а со мной, врешь, так не подшутишь!»

Порфирий Петрович налил тогда ему водки. Но и водка не помогла.

«Белая горячка, не иначе», – подумал Порфирий Петрович.

Драгун действительно был не в себе, но причина его помешательства была не в беспорядном пьянстве. Если бы он не пил, то он непременно бы сошел с ума окончательно, а так он что-то еще соображал и даже отдал пакет, который он привез Порфирию Петровичу от генерал-губернатора графа Ростопчина Федора Васильевича.

Губернатор писал:

«Обстоятельства чрезвычайные вынуждают меня, любезный Порфирий Петрович, обратиться к Вам за помощью. Жду Вас как можно скорей у себя в Москве...»

Прочитав это, Порфирий Петрович велел немедленно закладывать тройку.

Была уже ночь на дворе, когда они выехали.

Глава вторая

Губернаторская власть сродни императорской, считал Федор Васильевич Ростопчин.

Разумеется, близость Петербурга имела свои неудобства, поэтому граф управлял Московской губернией с некоторой оглядкой на сей столичный населенный пункт. И все же император Павел I был почти за тысячу верст и хотя докучал своими циркулярами и Указами, но и только.

Указы и циркуляры граф читал и исполнял сообразно своему пониманию. Что ж, если его понимание никогда не совпадало с пониманием государя императора. Это сходило ему с рук. К тому же Москва и губерния при нем благоденствовали, да и отставки граф не боялся.

Но всему – и хорошему, и плохому – приходит, как говорится, свой срок.

В конце 1804 года срок этот, видимо, пришел, вернее – грянул внезапно и оглушительно, как дробь полковых барабанов в рассветной тишине перед экзекуцией.

Мурашки пробежали по спине графа, когда он услышал вдруг эту «барабанную дробь».

Разумеется, никакой такой барабанной дроби не было. Она всего лишь литературная фигура. Правда, барабанный грохот в ушах графа стал стоять постоянно с того момента, как он понял, что пришел конец...

Конец чему?

Конец всему, решил граф.

Почему он так решил?

А решил он так потому, что в одно пасмурное декабрьское утро понял, что российский государственный механизм сломался. Тот циркулярный поток бумаг из Петербурга, который так раздражал его, вдруг иссяк, прекратился. Ни одной бумаги, ни одного фельдъегеря из Петербурга за две недели не приехало.

Федор Васильевич написал императору одно письмо, второе... третье. Ответа не было!

Вот тогда и ударила барабанная дробь ему в уши.

В смятении чувств и мыслей отправил он драгунского ротмистра к Порфирию Петровичу. Но и тут произошло невообразимое. Порфирий Петрович не приехал, и ротмистр как в воду канул. Пришлось еще послать курьера к строптивому артиллерийскому капитану в отставке. Курьер вернулся через два дня и сообщил, что Порфирий Петрович – нет, не пренебрег просьбой графа, а тотчас с драгунским ротмистром отправился к Федору Васильевичу в Москву!

«Час от часу не легче, – подумал граф. – Где их черти носят? Уж не запил ли опять?»

Последняя мысль успокоила Федора Васильевича.

Думать, что Порфирий Петрович запил с драгунским ротмистром Марковым, было, конечно же, со стороны московского генерал-губернатора малодушие, но что еще он мог вообразить в этих невообразимых до безумия обстоятельствах, которые обрушились на него в конце 1804 года?

И все же он не пал духом. Его деятельная натура требовала разрешения безумных обстоятельств. Обер-полицмейстеру Тестову было приказано незамедлительно и непременно сыскать пропавших.

– Где же, ваше превосходительство, я буду искать этих забулдыг? – резонно спросил обер-полицмейстер Тестов, непомерной толщины мужчина, любитель таких же, как и он, сдобных купеческих барышень.

– А где хотите, Елизар Алексеевич, там и ищите! – насупил брови московский генерал-губернатор. – В трактирах, в борделях... и где еще можно сыскать загулявших пьяниц?!

– Помилуйте, ваше превосходительство, ротмистр Марков – драгун в полном смысле этого слова, но так забыться в своем пьянстве, чтобы пренебречь своим долгом! Не поверю, – убежденно сказал обер-полицмейстер, вытер пот со лба платком и высморкался. – Не хочу думать о худшем, – продолжил он благодушно, – но лежат они, голубчики, в каком-нибудь сугробе под березкой или сосной. По весне только и найдем!

– По весне?! – взревел Ростопчин. – Я вам дам – «по весне»! Живых или мертвых... через два дня – не больше!

– Два дня мало, ваше превосходительство, но попробую. Всю полицию подниму на ноги. Сыщем, непременно сыщем. Но два дня, ох, мало, – обреченно вздохнул Елизар Алексеевич.

Зима выдалась снежная, сугробы намело высоченные, а березок и сосенок в Московской губернии век не пересчитать!

Так оно и вышло. Ни через два дня, ни через неделю не нашли они драгунского ротмистра Маркова и Порфирия Петровича Тушина, капитана артиллерии в отставке. И пятого января 1805 года обер-полицмейстер Тестов вошел в кабинет генерал-губернатора с полным намерением подать в отставку.

От этого намерения Елизар Алексеевич находился в некоем воздушном состоянии, т. е. не чувял под собой ног, чуть ли не парил в воздухе всем своим многопудовым телом.

– А морозец крепчает, ваше превосходительство, – сказал он вдруг неожиданно для самого себя – и для губернатора, разумеется, – что барышня грудями на выданье!

– Грудями... морозец? – удивился генерал-губернатор граф Ростопчин Федор Васильевич. – Вне себя, что ли, ты, Елизар Алексеевич?

– Будешь вне себя, ваше превосходительство, как по грудь в сугробах неделю полaziшь. В отставку подаю! Примите, ваше превосходительство. Стар стал, тяжело мне грудями-то, значит, по этим сугробам...

– Не приму! И не зверь я, чтобы заставлять тебя грудями по сугробам этим елозить. Да... поди... и не сам ты по сугробам-то?

– Конечно, не сам, ваше превосходительство. Аллегорически. Но в отставку подаю без всяких аллегорий! – Воздушное состояние Елизара Алексеевича прошло, ноги загудели, и он тяжело опустился в кресло. – Неустойчивость, нестроение нашей жизни чувствую, а понять не могу, ваше превосходительство, из-за чего все это? Вчера мне полицмейстер Симонов докладывает: кучер князя Архарова до полусмерти избил купца второй гильдии Протасова. Нос ему в усы вмял и скулу набок своротил. «За что, – спросил его околоточный Трегубов, – ты такое зверство с купцом учинил?» Кучер ответил усмешливо: «А за то, что он меня аглицким боксом стал страшить. Выставил свой левый кулак к подбородку, а правым мне в рыло норовит ударить». Околоточный удивился, что за английский бокс такой? «Аглицкая ученая драка такая, – ответил кучер. – Я ее со своим барином в Лондоне видел. А мы по-православному драться обучены. Вот я ему наотмашь в его купеческую харю разок и вмазал, чтобы боксом своим не пужал. Извиняйте, вашбродь, если что не так». Каков мерзавец! – прибавил Елизар Алексеевич сердито.

– И что, наказали кучера? – взметнул брови московский генерал-губернатор.

– Околоточный пару раз наказал... по-православному. Приложил пудовым кулаком по ребрам. Пять ребер сломал. Потом кучера к князю отволокли. Князь взбеленился: «Какое такое право вы имели кучера моего наказывать?» Императору жалобу грозился написать.

– Я поговорю с князем, – сказал Ростопчин и тут же спросил: – А купца допросили?

– Нет. Он в беспамятстве все еще пребывает.

– Ты его сам допроси, когда он очнется, где он английскому боксу обучался? – обрадовался вдруг чему-то Ростопчин и легко вздохнул, будто зуб больной выдернул – и боль зубная прошла.

– Не шпион ли английский? – на лету уловил губернаторскую мысль обер-полицмейстер Елизар Алексеевич Тестов, и глаза его весело заискрились, что морозное солнце за окном.

– А говоришь, стар стал, в отставку пора. Морозец, конечно, крепчает, да ведь мы не барышни на выданье... мы не грудями, а головой крепчаем, верой православной против их аглицкого бокса! – с воодушевлением в голосе добавил Федор Васильевич Ростопчин, московский генерал-губернатор. Наконец-то он понял, куда пропали Порфирий Петрович с драгунским ротмистром Марковым и почему иссяк циркулярный поток императорских бумаг. – Мы им, аглицким боксерам, не нос в усы вомнем, мы их всех... – разразился хохотом Ростопчин.

Всех помянул, никого не забыл: и королеву английскую, и лордов ее, и адмиралов, и прочих и прочее. Так сказать, прошелся по всему британскому такелажу отборным русским матом.

Соленый ветер ворвался в губернаторский кабинет, запахло дегтем и порохом и еще почему-то антоновскими яблоками. Впрочем, не яблоками, а морозным московским воздухом!

А в дверях кабинета застыл его слуга Прохор, любуясь на своего барина. «Ну чистый Чингисхан! – сказал он негромко, когда Федор Васильевич закончил материться. – Чистых кровей Чингисхан».

Ростопчин был прямым потомком сего легендарного монгольского хана. К тому же, утверждают некоторые ученые, русский мат прямыми корнями восходит к мату татаро-монгольскому. По крайней мере, до монголо-татарского нашествия славяне – прямые потомки русских – так не матерились

– Ты чего там, Прохор, бубнишь? – посмотрел недовольно в его сторону луноликий потомок Чингисхана.

За шесть сотен лет этой чистой чингисхановой крови осталось в нем – и наперстка не наберешь, а все же и этого ему было много. Не любил он почему-то вспоминать о своем монгольском предке. Вся его русская натура протестовала против этого родства!

– Так ведь, – глубоко выдохнул Прохор и сделал не менее глубокий вздох, собираясь сказать что-то чрезвычайно важное, и торжественно медлил, как бы приготавливая к этому своего барина. И Ростопчин насторожился. «Уж не сам ли император пожаловал?» – пронеслась в его голове шальная мысль. Такой был торжественно ошалелый вид у Прохора.

– Ну! – нетерпеливо выкрикнул Ростопчин.

– Порфирий Петрович Тушин собственной персоной! – пробасил Прохор и топнул ногой. – Капитан артиллерии в отставке!

Глава третья

Два англичанина промозглым английским вечером, сидя у камина в обществе с черным догом, пили грог и молчали. Наконец, постарше – с черной повязкой на левом глазу – не выдержал и сказал:

– Старой доброй Англии, сэр Питт, пришел конец. И не уверяйте меня в обратном!

– И не надейтесь, сэр Брук, не буду, – усмехнулся сэр Питт, а черный дог поднял голову и лениво посмотрел на одноглазого.

– А все началось с той злополучной мартовской ночи в Петербурге. Не сделать такого плевого дела!?

– Это ваши люди, сэр Брук, так напоили русских гвардейцев, что они не смогли сделать это плевое дело: убить русского императора.

– Кто же знал, что русские, пьянея, раскисают, – криво улыбнулся сэр Брук и на ломаном русском языке добавил: – Как киссиэлни паришни! Ведь только мы, истинные англичане, твердеем от вина, – закончил он уже на своем родном языке.

– Их напоили не тем вином, сэр Брук! Не французским шампанским, а шотландским виски их надо было напоить, – мрачно, по-английски, пошутил сэр Питт. – Тогда бы они не раскисли, как французские гризетки!

– Если премьер-министр еще шутит, то у старой доброй Англии есть надежда на спасение.

– Не обольщайтесь мрачными шутками висельника, – невозмутимо возразил сэр Питт. – Но пока на моей шее не затянута пеньковая веревка двумя этими коротышками, мы будем бороться.

«Коротышки» – французский император Наполеон и русский император Павел I.

А пеньковую веревку на шее Уильяма Питта Младшего не затянут. Французы предпочитают гильотину, а русские – топор. Так что сэр Питт ошибается на счет своей участи.

И сэр Питт ослабил крахмальный воротник рубашки, отхлебнул грог из глиняной кружки и резко переменял тему разговора:

– Как наши дела в России? – и сэр Питт повернулся всем своим грузным телом в сторону сэра Брука.

Кресло под ним закрипело тяжело и предостерегающе – как в сильный шторм корпус старой посуды, готовой в любую минуту пойти ко дну.

И сэр Брук тоже отхлебнул грог из кружки, потрепал за ухом черного дога и сказал:

– Мои люди – Негоци и Вдовуашка – сообщают, что операция «Фельдъегерь» успешно завершена, бумаги на пути в Англию. Скоро мы будем знать до мельчайших подробностей планы русских и французозов.

– Сумеет ли мы только им помешать? Вот в чем вопрос!

– Вечный вопрос, сэр Питт. Быть или не быть? Ваш тезка Уильям Шекспир задавал его двести лет тому назад самому себе и Англии.

– Гамлет, сэр Брук, а не Шекспир! Не путайте. К тому же, замечу вам, там все скверно кончилось.

Сэр Брук ничего не ответил. Два английских джентльмена опять погрузились в мрачное молчание.

Зимний английский ветер свирепо бушевал за окном, английский дождь со снегом кружил в черном воздухе, но жарко полыхали дрова в камине, мирно спал черный дог у ног хозяйина, и горячий грог согревал тело и ожесточал душу. На то он и английский грог, чтобы оже-

сточать, – и душа англичанина, чтобы ожесточаться. Англия была на краю гибели, и причиной тому были русский император Павел I и французский император Наполеон.

Глава четвертая

В кабинет московского генерал-губернатора Порфирий Петрович вошел пошатываясь и подволакивая левую ногу.

На сером его сюртучке болталась на нитке одна-единственная оловянная пуговица. Руки его нервно дрожали и все ловили и никак не могли поймать эту оловянную пуговицу; воспаленные глаза горели сумасшедшим огнем, недельная рыжая щетина на щеках пылала пожаром.

– Да как ты смел, милостивый государь, в таком виде ко мне явиться? – содрогнулся от гнева Ростопчин.

– Простите, граф, – только и успел ответить шепотом Порфирий Петрович – и окаменел!

Пять минут продолжался приступ артиллерийского капитана в отставке, и все это время негодуя ходил вокруг него московский генерал-губернатор, сотрясая воздух уже не русским матом, а изящными французскими фразами, не менее колкими и грозными.

Если бы он знал, что сейчас видится-грезится Порфирию Петровичу, вот бы он удивился!

А Порфирию Петровичу виделась-грезилась зимняя Сенатская площадь в Санкт-Петербурге в мельчайших подробностях, хотя в Петербурге он отродясь не бывал.

Шпалерами, побатальонно, стояли на этой площади гвардейские войска.

Бунтовали!

Но бунтовали они не против нынешнего, Павла I, императора, а против его сына – императора Николая Павловича.

– Полковник Тушин, – кричал на Порфирия Петровича император, – что вы медлите?

– Государь, – бесстрашно отвечал только что произведенный в полковники капитан артиллерии в отставке, – еще не все бунтовщики подошли. Видите, – указал он рукой на идущих мимо них преображенцев. – Сейчас они, голубчики, каре свое на площади выстроят, тогда мы по ним картечью и жажнем.

– Благодарю за службу, генерал Тушин! – обнял за плечи Порфирия Петровича император, когда первые же залпы картечи сдули с площади гвардейских бунтовщиков в черную полынью Невы.

По небритой щеке Порфирия Петровича в грезах и наяву потекла ледяная слеза, и он очнулся.

– Простите, граф, – сказал он еще раз, – за столь мизарабельный вид. – И смахнул слезу со щеки. – Гнал всю ночь к вам из Тверской губернии, торопился. Дело не терпит отлагательства!

– Из Тверской губернии? – холодно удивился Ростопчин, а сам подумал: «Эко куда тебя, пьяницу, занесло!»

– А вы разве не получили моего письма? – удивился в свою очередь Порфирий Петрович. Холодность московского генерал-губернатора его несколько смутила, но он тотчас понял, что граф в полном неведении на его счет, Бог знает что вообразил о нем и потому так с ним холоден.

– Письмо? – взметнул брови Ростопчин. – Никакого письма от тебя не было. Прохор! – кликнул он своего слугу. – Всю почту ко мне на стол за последние две недели.

Прохор выбежал из кабинета, а в кабинете воцарилась тягостная тишина.

Ростопчин бочком подошел к Порфирию Петровичу и глубоко втянул ноздрями воздух. Перегаром от капитана в отставке не пахло. Пахло морозом и антоновскими яблоками. Ростопчин понял свою оплошность, взял Порфирия Петровича за его дрожащие руки и усадил в кресло, а когда Прохор принес затерявшееся письмо, даже не стал его читать.

– Закуски и водки! – сказал он слуге и ласково обратился к Порфирию Петровичу: – Ты уж извини меня, голубчик. Содом и Гоморра кругом, сам видишь. Извини. – И нетерпеливо добавил: – Рассказывай! Не томи душу.

– Сейчас, – устало ответил Порфирий Петрович. – Только с мыслями соберусь... Значит, – продолжил он задумчиво, – с ротмистром Марковым выехали мы к вам за полночь. Отъехав версты две от дому, я вдруг сообразил, что ехать в Москву – лишний крюк. Дело было ясное и так, к тому же, как я полагал из вашего письма, граф, весьма срочное. И я свернул сразу же на Петербург.

– Позволь, Порфирий Петрович, – перебил его Ростопчин, – в моем письме ничего не было сказано о сути дела, ввиду его совершенной секретности! И ротмистр Марков не был в него посвящен.

– Разумеется, граф, – невозмутимо ответил Порфирий Петрович, – Марков ничего не знал, а даже если бы и знал, ничего бы вразумительного не сказал бы. В белой горячке прибыл ко мне сей драгун и до сих пор, прошу прощения за каламбур, в ней пребывает. Но то, что он твердил в бреду, и открыло мне секретную суть дела!

Знал бы Ростопчин, с каким превеликим трудом дался Порфирию Петровичу этот каламбур, тут же бы на месте троекратно расцеловал бы капитана артиллерии в отставке за его несгибаемое присутствие духа, потому что вся соль каламбура была не в игре слов «прибыл», «в ней пребывает», а где пребывает, т. е. находится сейчас этот драгун в своей белой горячке!

Разумеется, я не скажу, где сейчас находится ротмистр Марков, раз Порфирий Петрович об этом не сказал.

– А что он твердил в бреду?

– О двадцати пяти фельдгегерях был его горячительный бред.

– Неужели? – невообразимо удивился Ростопчин.

– Да, о двадцати пяти фельдгегерях, которые коту под хвост! Но сам-то он им в руки не дастся.

– Ох, – тяжело вздохнул Ростопчин.

В кабинет с серебряным подносом вошел Прохор и поставил его перед Порфирием Петровичем.

– Вы позволите, – обратился Порфирий Петрович к Ростопчину, – я перекушу? – И тотчас налил себе в рюмку из графина водки. Выпил, закусил и продолжил свой рассказ: – На первой же почтовой станции я спросил у станционного смотрителя: «Братец, а скажи-ка ты мне вот что. Не помнишь ли ты точно... сколько фельдгегерей проезжало за последний месяц?» Смотритель посмотрел на меня подозрительно и ничего не ответил. Тогда я стал напускать на него страху. «Это как же ты государственную службу исполняешь, если не знаешь, бестия, сколько фельдгегерей проехало через твою станцию? Сгною! В Сибирь упеку!!! – закричал я на него и кивнул на лежащего бесчувственно в санях под медвежьей шкурой ротмистра Маркова: – Отвечай, пока мой генерал не проснулся!» То ли крик мой грозный на смотрителя подействовал, то ли богатырский храп драгуна, но станционная мошка на все мои вопросы без раздумий ответила. Тринадцать фельдгегерей через его станцию проехало – и все только в одну сторону – на Петербург! На следующей станции я тем же маневром допросил станционного смотрителя. Ответ был тот же: тринадцать фельдгегерей – на Петербург. И до самого Выдропужска, станция есть такая сразу же после Торжка, станционные смотрители твердили одно и то же. И только в Выдропужске станционный смотритель, старикашка разбойного вида, сущий янычар, а я их повидал на своем веку немало, мне прорычал: «Двенадцать! На Москву!» Я его схватил за грудь: не путает ли он, каналья, – точно ли, двенадцать фельдгегерей проехало – и все на Москву? Каналья побожился, что не путает. – Порфирий Петрович устало вздохнул, налил себе водки в рюмку, выпил, закусил. – Вот какая математика, граф, вышла, – сказал он генерал-губернатору графу Ростопчину Федору Васильевичу.

– Двадцать пять фельдъегерей пропало между Выдропужком и Торжком. Там их надо было искать. На следующий день, переночевав у янычара, я начал их искать. – Порфирий Петрович замолчал.

– И как, нашли? – нетерпеливо спросил его Ростопчин.

Порфирий Петрович оглядел кабинет, заметил обер-полицмейстера – вздрогнул.

– Не бойся. Здесь все свои, – успокоил его Ростопчин. – Московский обер-полицмейстер... Тестов Елизар Алексеевич.

– Обер-полицмейстер? – недоверчиво переспросил Порфирий Петрович, посмотрел на Елизара Алексеевича, уронил голову на стол – и через минуту кабинет наполнился его храпом!

Как ни будили капитана артиллерии в отставке, но разбудить не смогли.

– Артиллерия! – недовольно сказал Ростопчин. – Его и пушками не разбудишь.

Порфирия Петровича перенесли из кабинета в соседнюю комнату и уложили там на диване, а через два часа к нему зашел Ростопчин.

Порфирий Петрович уже не спал. Стоял у окна и смотрел на идущий на улице снег.

– Граф, простите меня за мой маскарадный храп, но обстоятельства этого дела вынуждают меня не доверять никому, – оборотился он к Ростопчину. – Только вам. – Лицо Порфирия Петровича нервно передернулось. – Фельдъегерей я не нашел, но знаю непреложно... где они могут быть... живые или мертвые. Скорее всего... мертвые. Но, – отчаянно встряхнул он голову, – все по порядку. Первым делом я решил навеститься к майорской вдове Коробковой!

Глава пятая

Пульхерия Васильевна Коробкова была женщиной во всех отношениях замечательной.

Муж ее – майор Иван Семенович Коробков – скончался пятнадцать лет тому назад от турецкой пули, попавшей ему в левый глаз, и оставил безутешной вдове дочь Парашу и небольшое имение из трех деревенок, находившихся прямо на тракте Москва – Петербург.

Сие географическое положение деревенок поначалу раздражало и печалило Пульхерию Васильевну, но потом один умный человек открыл ей все выгоды соседства ее деревенок с большой дорогой.

– Возьмите в толк, драгоценная вы моя, отчего это у ваших баб ребятишки такие? – сказал ей как-то соседский помещик – отставной гусарский корнет, заядлый охотник и картежник, любитель женского пола и прочих земных радостей, Матвей Владимирович Ноздрев – и тряхнул бесшабашной своей кудрявой головой.

– Какие такие? – не поняла Пульхерия Васильевна.

– Обличья не мужицкого, вот какие!

– Не мужицкого?

– Разумеется!

– Разумеется?

– Да как вам поделikatней растолковать, – замялся Матвей Владимирович. При всей своей легкости в обращении с дамами он не мог найти слов. Уж больно была строга и набожна Пульхерия Васильевна. – Как там в пословице? – наконец-то нашелся он – и выпалил: – Не в отца, а в заезжего молодца!

– В заезжего молодца? – возмутилась майорская вдова, мать десятилетней дочери Парашы с удивительными смоляными кудрями (злые языки поговаривали: как у Матвея Владимировича Ноздрева). – Да как они смели без моего спроса и ведома? – и Пульхерия Васильевна чуть не упала в обморок от негодования, но быстро пришла в себя.

– Спасибо, – сказала она на прощанье Ноздреву, – что открыл мне глаза.

– Не стоит благодарности, – ответил отставной гусарский корнет и неожиданно протянул ей книгу: – Вот почитайте на досуге для окончательного просвещения вашего разума!

Для просвещения разума он оставил ей книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» и даже закладку вложил в нужном месте, чтобы Пульхерия Васильевна без долгой проволоочки просветилась. Закладку Ноздрев вложил на главе «Валдай».

Сия книга, как известно, была запрещена самой Екатериной Второй, но разрешена ее сыном Павлом I.

Радищев бичевал пороки, царившие во времена царствования этой великой императрицы, потому и разрешена была ее сыном. Сын очень не любил свою мать.

Прочитав эту главу, она еще больше возмутилась. «Это ж сколько же оброку утаили от меня, бедной вдовицы, эти вавилонские блудницы!» – воскликнула она в сердцах и позвала к себе Матрену-ключницу; приказала привести к себе баб, дети которых благородного обличия.

Привели почти всю деревню.

Ох и распекала она их, и позорила! «Разорили! По миру пустили!» – кричала – и велела было выпороть, но из жалости простила, а впредь наказала женскую повинность честно блюсти.

В общем, устроила придорожный бордель. И надо сказать, что слава об этом борделе была добрая. Девки в том борделе были все молодые и красивые, а уж томные удовольствия после баньки с этими девками не шли ни в какие сравнения с валдайскими.

Глава шестая

У русского путешественника в дороге два удовольствия: тараканы и клопы; а однообразные пейзажи вдоль дорог вызывают такую в них смертную скуку, что они порой стреляются, заперевшись в гостиничных номерах, а уж водку пьют без меры ведрами, иначе не доедешь.

Такие невеселые мысли приходили в голову Порфирия Петровича, когда он поздним утром выехал из Выдропужска в имение Пульхерии Васильевны Коробковой.

Отдохнувшие за ночь лошади бежали бодро, похмеленный с утра ротмистр мирно спал в санях под медвежьей шкурой, а морозное солнце светило на бездонно-синем небе так жгуче, что алмазный снег слепил глаза.

Ротмистр Марков все еще пребывал в белой горячке и был сущим наказанием Порфирия Петровича. Одно было верное средство от его оглашенной пальбы из пистолетов и бредовых криков: штоф водки, который он выпивал в один глоток и заваливался спать на сутки.

Бросить его, как вы понимаете, Порфирий Петрович не мог – и к тому же все еще надеялся, что драгун наконец-то перестанет буйствовать и расскажет, что привело его в такое буйное замешательство.

– Ишь ты, как вырядились, срамницы! – отвлек Порфирия Петровича от дорожных размышлений кучер Селифан. – Гляньте, барин.

Капитан в отставке посмотрел, куда указал кнутом кучер.

Три розовые нимфы с распущенными волосами купались в снегу возле баньки, из трубы которой под самое небо шел сизый дым.

– Завлекают в непотребство! – зло сплюнул Селифан.

– А хороши ведь! – залюбовался на это «непотребство» Порфирий Петрович. – Истинный Рубенс! – И сердце его бешено заколотилось от вида трех жарких женских тел на алмазном снегу.

– Правильно, барин, топором им отрубить все их непотребства!

– Тебе только рубить, Селифан, – засмеялся Порфирий Петрович на то, как истолковал его слова кучер. – А рубить-то есть что у них, а, Селифан?

– Знамо, есть, – усмехнулся кучер. – На то они и бабы, чтобы у них энтó было. Гладкие... стервы. Аж в пот бросило, – отдал должное рубеновским формам «придорожных нимф» Селифан и спросил: – Так че, барин, приехали, что ли?

– Приехали, – ответил Порфирий Петрович. – Поворачивай направо к барскому дому. – И тройка съехала с наезженной дороги и понеслась мимо трех голых баб и баньки к деревянному барскому дому, стоящему на косогоре.

Там их уже ждали.

На крыльце стояла Матрена в душегрейке.

С высоты своего гренадерского роста она посмотрела на Порфирия Петровича, вылезшего из саней.

Неказистый, в потертом тулупчике, артиллерийский капитан в отставке не произвел на нее должного впечатления, но она все же добродушно улыбнулась ему.

– Милости просим к нам в гости, – сказала она густым басом и низко поклонилась до земли. – Баньку с дороги не изволите?

– Не до баньки нам, любезная, пока, – деловито ответил Порфирий Петрович. – Товарищ мой тяжело захворал. Боюсь, не довезу живым до дому. Барыню зови.

– Мы и сами справимся, – возразила Матрена и кликнула двух мужиков.

Мужики ловко вынули из саней спящего ротмистра и понесли в дом.

– А что с ним? – спросила Матрена Порфирия Петровича, когда драгуна уложили в гостиной на диване.

– Белая горячка, – честно ответил Порфирий Петрович. – Доктора бы надо.

– И без дохтора товарища вашего вылечим! – наклонилась над больным Матрена и потрогала лоб. – И из-за чего у него, сердешного, болезнь-то приключилась?

– Барыня где? – не захотел отвечать Порфирий Петрович Матрене. И вообще, его стала раздражать эта назойливая, имевшая на все свое понятие, баба!

– Сейчас выйдет, – ответила ему Матрена и с удивлением посмотрела на него.

«Неспроста этот капитан тут, – безошибочно определила она своим женским нутром чин Порфирия Петровича, и не только чин. – Ох, неспроста. Конец нашему благоденствию. Надо барыню предупредить, а то она со своими куриными мозгами наговорит что лишнего».

А барыня, лучезарно улыбаясь, уже входила в залу, и к ней воздушным перышком подлетел Порфирий Петрович. Приложился к ручке и стал рассыпаться в любезностях.

Потом капитан артиллерии в отставке сам удивлялся своей такой светской прыти.

Он, прожив большую часть своей жизни жизнью армейской – грубой и суровой, – всем этим светским политесам обучен не был. Да и что греха таить, Порфирий Петрович под старость лет, а ему шел пятый десяток, как мальчишка, с первого взгляда влюбился в Пульхерию Васильевну.

И она тоже влюбилась!

«Принимаю огонь на себя!» – пронеслась в ошалевшей от любви его голове артиллерийская мысль – и он забыл: и про розовых нимф возле дороги, и про двадцать пять пропавших фельдъегерей!

На целых пять минут забыл.

Глава седьмая

У податливых крестьянок

.....

К чаю накупи баранок

И скорее поезжай.

А. С. Пушкин

– Не судите меня строго, Порфирий Петрович, – коснулась деликатно после обеда Пульхерия Васильевна щекотливой темы. – Мой муж, Царствие ему Небесное, оставил меня с дочерью в непроходимой бедности. От имени не доход, а одно разорение. Неурожай за неурожаем. Мужики ленивы, а девки блудливы. И не все ли равно, где им, блудницам, молотить: на току или?.. – И она засмеялась своим очаровательным серебряным смехом.

– Я вас не осуждаю, – поцеловал в сотый раз нежную ручку очаровательницы Порфирий Петрович. – Но как же ваша дочь? Ей-то каково на все это взирать?

– Моя дочь сущий ангел! Она не догадывается, что стоит за всем нашим видимым благополучием, – грустно вздохнула Пульхерия Васильевна и, заломив руки, возвела глаза к небу: – Все страдания принимает на себя мое бедное материнское сердце.

– Благородное сердце! – поправил ее Порфирий Петрович и в очередной раз поцеловал ручку.

– Ах! – засмушалась Пульхерия Васильевна. – Как вы благородны, – сказала с придыханием и тут же, будто опомнившись (и в самом деле, нельзя же так забыть ей, степенной матери взрослой дочери), заговорила спокойно ровным голосом: – И что это я все о себе и о себе. Давайте лучше о вас. Ведь я ничего не знаю. Кто вы? Куда вы и откуда? Кто ваш друг? Что за болезнь с ним приключилась и почему? Рассказывайте! Мне все очень интересно.

И тут Порфирия Петровича понесло! Он и опомниться не успел, как наговорил такие турусы на колесах, что хоть святых выноси. А ведь был по природе человеком правдивым и ложь на дух не переносил. Потом уж, зрело размышляя, вошел в соображение, что то, что он самозабвенно так напел Пульхерии Васильевне, и не ложь была вовсе, и уж, конечно, не тот любовный обманный туман, который напускают на женщину, чтобы поймать ее в свои коварные сети. Просто Порфирий Петрович был при исполнении секретной миссии, порученной ему московским генерал-губернатором графом Ростопчиным, и волей-неволей сыграл ту роль, которую ему и должно было сыграть, несмотря на весь тот прелестно-сумасшедший угар, в котором пребывали его голова и сердце. В общем, не угорел и наговорил ей следующее!

Он, Порфирий Петрович Тушин, пребывавший до недавнего времени в отставке в чине артиллерийского капитана, был вызван в Петербург самим государем императором Павлом Первым. На аудиенции, длившейся целых пять минут, государь поручил ему и ротмистру Маркову секретнейшее дело. Почему выбор пал на них, Порфирий Петрович деликатно умолчал, правда обмолвился, что в полку был всегда на первом счету и слыл во всей армии не только храбрейшим, но и умнейшим офицером. Заметим, что последнее, насчет храбрости и ума, истинная правда.

– А какое дело поручил вам государь? – спросила Пульхерия Васильевна из-за вечного женского любопытства. – Если это, разумеется, не секрет? – И рассмеялась обворожительно своим серебряным смехом. Она была неотразима в своем простодушии и лукавстве.

– Секрет, – ответил Порфирий Петрович и улыбнулся в свои рыжие усы: – Секрет преогромнейший! Но вам, Пульхерия Васильевна, скажу. Государь поручил нам с ротмистром, – зашептал он страстно в розовое ушко соблазнительницы, – перевезти из Петербурга в Париж

императору Франции Наполеону бумаги такой важности, что сии бумаги разорваны на две половины! Вторую половину везут другие люди. Какие... даже я не знаю.

– Разорваны? Зачем? – не поняла Пульхерия Васильевна. – Их же нельзя будет прочесть!

– Вот именно! По отдельности нельзя, а соединив вместе... Вы понимаете?

– Понимаю, – ответила Пульхерия Васильевна, но по ее лицу было видно, что ничегошеньки она не поняла, да и понимать не хочет. Разорванные на две половины бумаги – как неромантично и скучно! Она ожидала большего. – А что с ротмистром? – спросила она вдруг неожиданно строго. – Надеюсь, причиной его болезни не эти бумаги?

Положительно, она была прелестна! Порфирий Петрович даже не обиделся на ее ничем не прикрытое равнодушие ко всем этим бумагам. Напротив, возрадовался неописуемо.

– Обычная история, – сказал он подчеркнуто иронично. – Несчастливая любовь. – И рассказал сентиментальную историю в духе Карамзина, его «Бедной Лизы», и французских романов.

Сам Порфирий Петрович ни Карамзина, ни романов французских не читал, но сочинил любовную историю драгунского ротмистра довольно ловко и доставил полное удовольствие Пульхерии Васильевне. Вдоволь облилась она слезами над историей любви бедного драгуна и несчастной девушки Маши, дочери богатых и знатных родителей. Все там было: и свидания под луной, и тайком посланные письма, и гнев деспота-отца, и мучительная болезнь – и смерть Маши! После нее и запил ротмистр Марков.

– Как я его понимаю, – утерев слезы, проговорила Пульхерия Васильевна. – Как понимаю! – Голос ее задрожал, и она опять заплакала, и Порфирию Петровичу показалось, что плачет она не только о несчастном драгуне, но и о чем-то своем. – Что это я так раскиселилась? – как всегда внезапно переменяла она свое настроение и заговорила беспечно и весело: – Вам бы с дороги, Порфирий Петрович, в баньке не мешало бы попариться!

– В баньке? – покраснел как вареный рак капитан в отставке.

– Да нет, не в той баньке у дороги, а в моей собственной баньке! – засмеялась она и пристально посмотрела ему в глаза – и долгим страстным поцелуем перехватила его ответ.

В нестерпимый жар бросило Порфирия Петровича, и убоился артиллерийский капитан в отставке... как бы ему не впасть в свое немое оцепенение!

Не впал.

– Психея! – прошептал он (назвать ее Пульхерией ему показалось несообразно диким, когда она вошла к нему в баню, ничуть не смущаясь своей наготы, а даже, наоборот, давая ему рассмотреть во всех прелестных подробностях свое античное тело: выпуклый, подобно небесному куполу, живот с обворожительной родинкой пониже кратера пупка; полновесные, словно виноградные гроздья, груди, налитые виноградным вином любви, которое он сейчас будет пить, прильнув губами в поцелуе к ее розовому соску, набухшему от нестерпимого ожидания этого поцелуя...). – Психея! – повторил он уже громко и опустился перед ней на колени.

Его глаза оказались напротив тех, опущенных солнечным золотом, губ, ради которых, в сущности, он и встал на колени. Они были сочные и яркие, – и налитые, нет, не вином, а кровью, тоже вожделенно ждали его поцелуя.

– Психея! – опалил он их своим дыханием.

– Потом. Не сейчас, – наклонилась она над ним, и ее грудь коснулись его щеки. – Ведь мы сюда не только за **этим** пришли, – сказала насмешливо и добавила буднично: – А чтобы и помыться.

– Ты сведешь меня с ума, Пульхерия! – поднялся Порфирий Петрович с колен.

Язык его не повернулся назвать ее теперь Психеей. Она была уже другая. Лучше или хуже, он не знал.

Пожалуй, лучше.

Они стояли, как говорится, глаза в глаза – и он бесцеремонно положил свою правую руку ей на грудь и сгреб лебяжий пух груди в кулак, а левую руку запустил под ее дивный, упругий живот!

Золотые волосы оказались неожиданно колючими, а то самое пульсировало – невыносимо нежно и издевательски ровно и спокойно – как и ее сердце.

Порфирия Петровича бросило в холодный пот – и он отнял руки, а Пульхерия Васильевна засмеялась серебряным своим смехом:

– Непременно сведу, но сперва мыться! – и, обвив его шею, крепко поцеловала в губы. – Не бойся, – засмеялась она опять, – я и этим доставлю тебе удовольствие. – И доставила.

Как опытный чичероне, провела она артиллерийского капитана в отставке от подножия своего роскошного тела до вершины.

Сперва он тер мочалкой ее царственную спину и шею, потом нежно обволакивал воздушной пеной груди, скользил рукой по животу и по стройным, с хищным изгибом татарского лука, бедрам – и ниже – до ступней.

Розовые пятки и тонкие, как у арабских скакунов, щиколотки сводили его с ума не меньше, чем ядра ее ягодич, выточенные будто алмазным резцом из неведомого на земле материала – воздушного и твердого одновременно! А ее прелестные руки от перламутровых длинных изящных пальчиков до темных волос подмышек – бездна, смерть, погибель человеческая, но радостная и вечная!

Свое сокровенное она ему мыть не дала. И даже попросила его выйти; при этом пришла в невообразимое смущение. Он вышел.

Когда она его позвала и он вернулся, приказала встать перед ней на колени. Он встал.

– Теперь можно все, – сказала она тихо и улыбнулась блаженно.

– Афродита! – вымолвил Порфирий Петрович. Очередная метаморфоза произошла с ее телом. – Афродита, – нежно коснулся он губами лепестков ее половых губ.

Да простит меня читатель за столь грубый медицинский термин, коим я обозвал тот прелестный цветок Афродиты, которым щедро одарила природа Пульхерию Васильевну.

Потом он осторожно раскрыл руками сей прелестный бутон любви и запустил внутрь него свой язык, будто пчелиное жало, чтобы собрать там нектар наслаждений.

Афродита затрепетала.

Затрепетал и Порфирий Петрович.

– Милый, милый, – заговорила она и, обхватив его голову ладонями, вдавила в свое тело. Колени ее подкосились, и она опустилась на пол. Порфирий Петрович обнял ее за плечи и стал осыпать поцелуями. Она в ответ тихо стонала.

На вершине блаженной страсти она громко, по-звериному, кричала и два раза укусила капитана в отставку в плечо. Пришлось и Порфирию Петровичу два раза крикнуть.

Потом они долго в изнеможении лежали рядом.

Потом они опять предались страсти.

Потом еще... и еще.

Пульхерия Васильевна была ненасытна.

Только под утро они вышли из бани и пошли пить чай.

Пили они его из трехведерного самовара и молчали. Им вроде и не о чем было больше разговаривать, а если бы и было, то обошлись бы, словно муж и жена, без слов.

– Ты когда едешь? – только и спросила она Порфирия Петровича, когда он вышел из-за стола.

– Надо бы завтра, но... – пожал неопределенно плечами Порфирий Петрович.

– Не беспокойся за своего драгунского ротмистра. Матрена его живо вылечит. Она у меня травница и колдунья. Я ее порой сама боюсь.

– Ну-ну, – поцеловал Порфирий Петрович Пульхерию Васильевну по-домашнему в лоб. – Будет ерунду молоть. Колдунья. Не верь. Суеверие. – И вышел из залы.

– Право, смешно, – тихо сказала она ему вслед. – Как не верить, раз колдунья? – И перекрестилась на икону: – Прости меня, Господи, грешницу. Ох, грехи мои тяжкие. – И ее мысли унесли в такие леса дремучие и дали неоглядные, что Порфирий Петрович содрогнулся бы непременно, узнай он их.

Глава восьмая

Как известно, парики из моды Павел I вывел своим Высочайшим Указом 5 сентября в 1802 году. И насмешливый народ наш тотчас обозвал его Лысым Указом (в Указе было предписано лысым брить головы).

Замечу, так сказать, на полях, что Павел I, обладая весьма впечатляющей плешью на затылке, неукоснительно исполнял свой Указ, и многие при Дворе вслед за ним стали брить головы, хотя им в этом и не было необходимости. Постепенно мода брить голову распространилась и по всей России.

Но все-таки сей Указ имел огромное экономическое последствие для России: те тысячи пудов отборной пшеницы, что шли на производство пудры для париков, стали употребляться по прямому назначению, что сразу же сказалось на сытости и благоденствии народа нашего, – поэтому этот Указ я бы переименовал в Сытый или, что более всего отражает его сущность, Повсеместный Указ, ибо он затронул все стороны российской жизни. Затронул он, разумеется, и Порфирия Петровича, затронул непосредственно.

Голова капитана в отставке напрямую подпадала под сей Указ, и по утрам Селифан брил ее до атласной гладкости и, я бы сказал, щегольства; заодно брил и лицо своего барина, и только свои рыжие артиллерийские усы Порфирий Петрович обихаживал сам. И не потому, что не доверял Селифану, а просто это вошло у него в привычку еще с тех времен, когда они у него, молоденького артиллерийского подпоручика, наконец-то пробились тонкой ржаной полоской под курносым носом. К тому же, замечу, привычками он своими дорожил, ведь жизнь из них только и состоит, а кто не дорожит жизнью?

Этот философический пассаж я привел к тому, что, придя к себе в комнату после чаепития с Пульхерией Васильевной, Порфирий Петрович застал там своего Селифана с бритвой наперевес и с белым полотенцем через руку.

Капитану в отставке неимоверно хотелось спать; все члены его тела были до того утомлены и развинчены, что свинтить их в одно единое целое не было никакой возможности – и, по правде говоря, и желания. И только из-за своей привычки он сел на табурет, заранее выставленный Селифаном посередине комнаты.

– Брей, душегуб, – сказал он устало, закрыл глаза и, уже засыпая, пробормотал: – Фигаро ты мой...

– Вечно, барин, вы меня ругаете последними словами! – подлетел Селифан к Порфирию Петровичу и ухватил его за нос бесцеремонно и больно. – Нешто других, русских, слов ругательных нет?

«Фигаро» Селифан почитал за самое страшное французское ругательство, хотя и знал прилично, без шуток, и по-французски, и по-английски, и по-турецки, и по-латыни, и по-древнегречески. Выучил вместе с барином.

Уместней было, конечно, употребить не «вместе с барином», а – «место барина». Языки капитану в отставке давались с превеликим трудом, и кивать на возраст было бы несправедливо. Выучил же Селифан, а он был намного его старше. Дядькой в двадцать лет к семилетнему Порфирию был приставлен. Ох и пропасть щеглов они наловили тогда вместе в окрестных барских лесах! Вот так природа с Порфирием Петровичем и Селифаном учудила.

Зимними долгими вечерами в деревне от нечего делать капитан в отставке самообразовывал себя этими языками, так как в детстве выучить их ему не пришлось.

Голова Порфирия Петровича от столь «нежного» брадобрейного прикосновения Селифана дернулась и непременно бы слетела с шеи, если бы Селифан не удержал ее за нос. Как

говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. С этой народной мудростью Порфирий Петрович решительно не согласился и взревел:

– Отпусти нос, ирод! – И добавил пару матерных слов.

– Давно бы так, – отпустил нос Селифан, и на лице его промелькнула довольная ухмылка. Дело было сделано. Барина своего он разбудил. Как и все брадобреи, он любил поговорить. Но не со спящим же? Тем более что ему было что сказать. Пустых разговоров он не терпел, и это преотлично знал Порфирий Петрович.

– Что там у тебя? Выкладывай! – спросил он строго Селифана, и тот запорхал вокруг капитана в отставке, если можно назвать тяжелое топтание селифановских сапог порханием, правда, руки его действительно летали вокруг головы Порфирия Петровича, что щеглы тех окрестных барских лесов.

– Дочка нашей барыни в гости к соседской помещице укатила, вот мать и разгулялась на просторе! – начал Селифан строго, но тут же получил должный отпор.

– Не твоего ума дело об этом рассуждать, – грубо оборвал его Порфирий Петрович.

– Конечно, – согласился Селифан, – дело ваше... молодое. А у дочки ихней, – продолжил он без перерыва, – несчастный роман нынешним летом с одним здешним барином вышел. Отец его им этот роман порушил. Сына в Москву служить отправил, чтоб, значит, больше им не свидеться. И то дело, что удумали... жениться! Они высоких княжеских кровей, а она кто? Девки-блудницы ей в придорожных канавах срамным делом на приданое собирают. Три рубля серебром с проезжего.

– Ты что говоришь, Фигаро?

– Это не я – народ сказывает. И понапрасну, барин, вы меня этой Фигарой срамите. Штоф водки мне нужен! – прибавил неожиданно. – Я возьму?

– Зачем это он тебе? – очень удивился Порфирий Петрович. Селифан, конечно, мимо рта не проносил, но только по великим праздникам.

– Разговор к Пимену есть. А разговор, как сами понимаете, без водки не разговор, а пустая болтовня!

– Пимен? Кто такой? Летописец, что ли? – пошутил Порфирий Петрович.

– До летописца ему еще далеко, хотя и много знает и многое может поведать. Банщик он при придорожной баньке.

– А о чем ты хочешь с ним поговорить? – насторожился Порфирий Петрович.

Селифан только с виду был обыкновенный мужик с косым, как говорится, рылом. Книжной премудрости он столько понабрался, что даже университетской публике нос мог утереть и в математике, и в философии, и в прочих науках. Не говоря уже о том, что умом его Бог не обидел, а уж хитрости мужицкой у него было выше крыши.

– А о том, барин, – отошел к двери Селифан, открыл ее и выглянул в коридор; потом, крепко ее прикрыв, подошел вплотную к Порфирию Петровичу и на вытянутой ладони показал ему медную пряжку. Пряжка была от фельдъегерской сумки.

Голова у капитана в отставке похолодела, выбритая до атласной гладкости кожа сморщилась и пошла складками, черные круги поплыли перед глазами, и душа его рухнула на землю. А ведь до этой минуты летала в облаках, так сказать, семейной жизни с Пульхерией Васильевной, парила на высоте птичьей, ангельской! «И поделом тебе... старый дурак, – зло подумал о себе Порфирий Петрович. – Вообразил невесть что. Жениться! Размечтался!» – и, овладев собой, сухо спросил Селифана:

– Где ты ее нашел?

– В конюшне.

– И девок расспроси, – протянул Селифану три рубля серебром Порфирий Петрович.

Селифан с гневом их отверг.

– Срам какой – денег им за это дело давать! Чай, не барчук какой... и не в том возрасте я еще. Они меня за другое любят. Переговорю, барин, не сомневайся.

– А что с ротмистром? Как он?

– С кавалеристом нашим? – презрительно переспросил Селифан.

Сей род войск он глубоко презирал и считал пустым и никчемным. Отчасти из-за того, что Порфирий Петрович служил в артиллерии, а он при нем был денщиком.

Проникся Селифан к ней, к артиллерии, заслуженным уважением за основательность ее хозяйства: пушки на лафетах, ядра чугунные, порох и особенно лошади. «На кавалерийской разве вспашешь? – любил говорить он тем, кто не разделял его взглядов. – А на наших битюгах враз – и не поморщишься!»

Хлебопашец, одним словом.

Правда, ни пахать, ни сеять ему не довелось. А кто из спорщиков пахал и сеял?

Кавалеристы, одним словом.

Но больше всего Селифан не любил гусар. Драгуны хоть с мушкетами, при порохе, а эти, при саблях, только воздух и могут один рассекать. Так что ротмистру Маркову повезло еще, что он был драгуном.

– Так что с Марковым? – пришлось еще раз спросить Порфирию Петровичу.

– А что еще с ним, драгуном, может быть? – вопросом на вопрос наконец ответил Селифан. – Матрена за ним глядит. Вылечит, наверное. Сушая ведьма. Все хозяйство под себя взяла. Барыня наша перед ней по одной половине из-за страха ходит. Боится, что ненароком сглазит. Бабка моя про таких мне рассказывала. Оборонил я нас от этой ведьмы. А драгун ей чем-то глянулся. Не сомневайтесь, барин, вылечит. Так я возьму штоф с водкой?

– Бери, – не сразу ответил Порфирий Петрович и отдал ключ от дорожного сундучка, где хранились штофы с водкой. Водка предназначалась для ротмистра Маркова исключительно в лечебных целях, и она уже кончалась. Больной употреблял ее без меры. Но все же, по подсчетам Порфирия Петровича, три штофа с водкой еще оставалось.

Селифан открыл дорожный сундучок – и обомлел.

– Барин, а тут их нет! – через какое-то время вымолвил он.

– Как нет? – заглянул в сундучок Порфирий Петрович. Пропажа водки его уже не так сильно удивила, как пряжка от фельдъегерской сумки. – Никому пока об этом не говори, – сказал он. – Понял? – и прошелся по комнате.

Сон у него как рукой сняло, и все части его тела привинтились к тем местам, куда им должно было привинтиться, но вот мысли в голове... мыслей никаких не было! Селифан сочувственно посмотрел на своего барина и сказал:

– Поспать вам, барин, надо, а я за водкой в Выдропужск съезжу, заодно кое-что у станционного смотрителя выпрошу. К вечеру вернусь. – И он уложил Порфирия Петровича на диван, накрыл полушубком – и вышел вон из комнаты.

Глава девятая

В Выдропужск Селифан отправился в компании с местным конюхом Семеном. У конюха тоже было там к кому-то какое-то дело, о котором он таинственно сперва умолчал. Правда, Селифан об этом деле конюха и не выспрашивал. И вообще, поначалу подумал, что сей мужичок с всклокоченной бороденкой, похожий больше на пономаря, чем на конюха, навязался к нему в компанию исключительно, чтобы шпионить за ним. Уж больно невразумителен был у него повод в Выдропужск этот ехать: бутыль с мутной жидкостью отвезти. Об этом Семен, оправдывая свое пономарское обличие, на первой же версте Селифану и рассказал. На что Селифан лишь усмехнулся про себя: «Что же ты мне на двенадцатой версте, мил-человек, порасскажешь?» Положительно, Семен ему все больше и больше не нравился. А тот, не замечая презрительного к нему со стороны Селифана отношения, лез, как говорится, в душу и уже по-свойски толкнул локтем в бок Селифана:

– А барин-то твой, как я погляжу, не промах! Барыню нашу в момент распластал.

– А мы, артиллеристы, все такие, – ответил зло Селифан. – Промаха не даем! – И в укорот его болтовни пригрозил ему кнутом.

Семен обиделся, но через минуту опять принялся за свое.

– Вот ты мне скажи, – с неприкрытой издевкой обратился он к Селифану. – Человек, я вижу, ты бывалый и к лошадям приставлен. А знаешь ли ты, что такое водка лошадиная?

Есть такой тип мужичков: из кожи вон вылезут, чтоб свою значительность показать. Уж ему и скулу набок свернут, и рожу кровью разукрасят, а он не унимается: лезет в фараоны египетские, – и все тут. И нечего с ним не поделаешь. Нет на него казни такой, даже той же самой, египетской, чтобы его, замухрышку, унять!

Вот такой мужичок и попался Селифану в попутчики, и он ответил ему равнодушно спокойно:

– Выпей с ведро – она и лошадиной... и царской тебе будет!

– Это как это – царской? – оторопел Семен. Сбил с него спесь Селифан царской водкой.

– Не пробовал, что ли, царской водки? Попробуй – враз поумнеешь.

– Да и ты поумнеешь, если нашей, лошадиной, нахлебаешься! – угрожающе засмеялся Семен.

– Ты что, паря? – тотчас сменил тон разговора Селифан, и не из-за грозного смеха конюха, а вдруг что дельное скажет. – О царской водке по простоте душевной сказал. И не водка она вовсе, а так... кхимия сплошная, кислота соляная.

– А у нас не кхимия! – погладил Семен, словно девку, бутыль с мутной жидкостью.

– Так это она, что ли? – сделал широкие глаза Селифан.

– Она самая! – уже снисходительно засмеялся Семен. Укорот на Селифана и он нашел, в фараоны вышел. И заговорил без удержу: – Матрена ее из особых трав варит, а я станционному смотрителю отвожу. Уговор у него с Матреной. Он этой водкой лошадей поит, потому так мы ее и прозвали: лошадиной. А поит он их с таким расчетом, чтоб они, как пьяные, на нашей версте рухнули!

– Зачем рухнули? – только и успел вставить свой вопрос Селифан, когда Семен перевел дух, чтобы отхлебнуть из бутылки этой самой лошадиной водки.

– Крепка зараза! – передернуло все его тщедушное тело.

– А сам-то не рухнешь? – поинтересовался Селифан.

– Не, мы привычные. – Конюх распрямил спину, расправил плечи, задрал свою бороденку кверху. Явил, так сказать, свой фараонов облик Селифану. – А зачем на нашей версте рухнули, догадайся сам! А? Догадался? Нет?

Чуден человек русский. Дай ему только значимость свою показать, он тебе такое выложит, что его за это на каторгу, а то и под топор палача. И ведь не пожалеет, что лишнего сболтнул! С полным своим удовольствием и на каторгу в кандалах пойдет, и голову на плаху положит. Перекрестится только. Мол, простите меня, люди православные, что так мало зла учинил вам. Вы бы меня еще тогда сильнее жалели – и уж точно простили.

– Девки-то наши, конечно, товар соблазнительный, – продолжил свои откровения Семен, когда Селифан ничего не ответил будущему каторжнику. – Ну, подумай сам, долго ли, особенно на морозе, в таком соблазнительном виде выстоишь? Вот и поим лошадей, чтоб они наверняка возле баньки остановились. Девки тогда и выбегают.

– И всех вы поите без разбору? Курьеров али фельдъегерей тоже?

– Избави Бог!.. Фельдъегерей, – перекрестился Семен. – Поим с понятием. Правда, этим летом к нам один фельдъегерь заехал. Колесо у него сломалось. Сам я ему это колесо с кузнецом нашим и починил. С девками, конечно, само собой, он побаловался. Смешная история с ним приключилась, – захохотал Семен. – Пока он в баньке с ними парился, значит, лошадь сумку его чуть не сжевала. Ели спасли! Ох, матерился он, бушевал. «Ремешок-то всего и съела», – урезонивал я его. Ни в какую! Пистолетом машет, курок взводит. Насилу утихомирили. Денег даже не взяли. Думаю, он нарочно бушевал, чтобы денег-то не платить. Нет, с таким народом мы не связываемся. Зачем? Денег-то с них все равно не возьмешь.

– Стало быть, говоришь, с понятием, с разбором поите! – сквозь зубы проговорил Селифан и так прошелся кнутом по спинам своих лошадок, что они вихрем взметнулись, вихрем домчались до Выдропужска и, вихрем развернувшись, встали возле станционной избы. И теперь уже Селифан, ухватив за горлышко бутыль с лошадиной водкой и взяв за горло Семена, вихрем влетел в избу!

– Говори, ирод, этим зельем ты фельдъегерских лошадей поил? – заорал он на станционного смотрителя, мирно пившего чай, – и с грохотом поставил бутыль на стол. – Этим?

Смотритель затравленно посмотрел на бутыль, на Селифана, на Семена.

– Этим, – сказал чуть слышно.

– Кто тебя надоумил? С кем ты в заговоре? Отвечай! – И Селифан выпихнул Семена вперед: – С ним?

– Нет, – ответил смотритель.

– А с кем тогда?

– Пусть он уйдет, – кивнул головой смотритель на Семена.

– Мерзавец, ты у меня будешь говорить! – на чистейшем французском языке заговорил тогда Селифан и ухватил смотрителя за горло.

Смотритель захрипел, но по-французски он не понимал.

– Каналья, говори! – перешел Селифан на немецкий и крепче сжал его горло, но смотритель не понимал и по-немецки.

– Висельник, – обратился тогда Селифан к нему по-английски, – я тебя заставлю говорить!

Смотритель захрипел еще пуще. Он не понимал и по-английски – и обалдело смотрел на Селифана, приняв его за генерала. Так был свиреп и важен в эти минуты Селифан.

– Отпустите, барин! – наконец вымолвил смотритель по-русски. – Я все скажу... в-ваше... ваше прев-вос-сходительство!

– Говори! – лишь ослабил хватку Селифан.

– Месяца два тому назад один черный человек... как вы... инкогнито, – начал рассказывать смотритель.

– Что? – взревел Селифан, входя в генеральскую роль. – Как смеешь ты меня с каким-то мавром сравнивать! Задушу, – добавил он сообразно мизансцене, в коей они в данный момент оказались, и захохотал.

Селифановой шутки смотритель не понял, так как Шекспира не читал, да и не до Шекспира ему было.

– Простите, ваше превосходительство, – проговорил он, – не точно выразился. Он во всем черном был, а так... лицо белое, усы только и бакенбарды черные... и на голове, разумеется, черные.

– А не путаешь? Может, крашенные?

– Нет, не путаю. Природный цвет.

– Не прихрамывал?

– Нет, шустрый был... вроде вас, – осекся смотритель. – Все страшал. Откуда-то узнал, что мы тут, – кивнул головой на Семена, – проделываем. Вот и застрашал. В полной его власти, ну, я и оказался. Приказал фельдъегерских лошадей поить водкой ихней, но меру в два раза уменьшил. Вот я безропотно и поил.

– А где сейчас этот человек в черном?

– Уехал сразу же.

– И куда уехал?

– Он не сказывал куда... В сторону Москвы поехал. Больше я его и не видел.

– Так, – насутился Селифан. – О чем я с тобой тут толковал... никому! Понял? – И брезгливо отшвырнул от себя смотрителя.

– Как не понять, ваше превосходительство!

– И вот еще что, – уже в дверях проговорил Селифан. – Если вдруг он объявится, то в Москву немедленно депешу на мое имя. Генерал-аншефу Селифанову!

– Непременно! – возликовал смотритель. – Непременно! – И рухнул на табурет.

Через час, купив водки в трактире, Селифан с Семеном возвратились в имение Пульхерии Васильевны.

Разумеется, Селифан приказал и Семену молчать о всем случившемся. Пригрозил Сибирью. «А так, – оглядел он при этом Семена с ног до головы, – может, и помилую». И душа у конюха ушла в пятки. «Это в каких же таких тогда страшных чинах пребывает курносый, бритый наголо, барин? – подумал он со страхом. – Если сам генерал-аншеф Селифанов за кучера у него!»

Да, курносый нос Порфирия Петровича многих, и не таких олухов, как Семен, заставлял призадуматься. Нос у капитана артиллерии в отставке был, действительно, императорский, и отчество, Петрович, соответствующие. Не иначе как... Сам... инкогнито!

Сие сходство с императором было лестно, что грех таить, для Порфирия Петровича, но и опасно. Того и гляди – в самозванцы угодишь! А с самозванцами на Руси, сами знаете, как поступали.

Глава десятая

На следующий день Порфирий Петрович с Селифаном отбыли в Париж!

Конечно же, не в Париж.

Это только для Пульхерии Васильевны Порфирий Петрович отбыл туда. Помните, какую историю он о себе для нее сочинил? Да и, по правде говоря, капитан артиллерии в отставке еще толком сам не знал, куда он отправился тем пасмурным зимним утром. Могло случиться и так, что дело о двадцати пяти пропавших фельдъегерях забросит его и в Париж – и черт знает еще куда!

Прощание с Пульхерией Васильевной было коротким, но сердечным. Капитан в отставке обещал на обратной дороге из Парижа в Петербург непременно заехать к очаровательнице и уж тогда решительно объясниться.

Ротмистр Марков был оставлен на попечение Матрены. Кстати, недоразумение с тремя штофами водки разрешилось легко. Всему виной был лунатизм драгуна, о котором всем и объявила Матрена, когда стали выяснять с пристрастием, кто украл водку? Это в нем, по ее словам, в лунатизме пребывая, он и взял ее из дорожного сундучка Порфирия Петровича. Неясно было только одно: как он смог в лунатическом своем состоянии открыть без ключа этот сундучок? Ведь замок был секретнейший! И откуда этот лунатизм объявился вдруг у ротмистра? Вроде бы от белой горячки Матрена его взялась лечить. Впрочем, Порфирий Петрович не особенно сильно и долго ломал над этим голову. Головоломок и без того хватало.

– Так что, барин, – обернулся к Порфирию Петровичу Селифан, когда их тройка подъехала к съезду на большую дорогу, – в Париж али сразу в Петербург за наградами?

– В Торжок, – ответил Порфирий Петрович и добавил: – Распустил я тебя, Фигаро!

Действительно, распустил. А как не распустить? Селифан же распутал всю эту дьявольскую паутину, сотканную человеком в черном, пока он, Порфирий Петрович, лежа на диване, отходил от любовного угара.

– Правильно, в Торжок надо ехать. Он как раз нам по пути в Париж, а за наградами в Петербург нам еще рано, – насмешливо согласился Селифан.

– Уймись! – простонал Порфирий Петрович. – Виноват, влюбился. Что тут поделаешь?

– Было бы в кого влюбиться?! – презрительно сплюнул Селифан.

Минуло столько лет, а он себя все еще представлял за дядьку, приставленного к Порфирию Петровичу – малому неразумному. Но что удивительно! И Порфирий Петрович почти всегда соглашался с этим. Но тут был особый случай – и капитан в отставке вышел, так сказать, из себя, т. е. заорал на Селифана:

– Ты бранись, но знай меру!

– Молчу, – поспешно ответил Селифан: понял, что перегнул палку, – и целый час они ехали в полном молчании.

– Я вот о чем думаю, Порфирий Петрович, – наконец заговорил примиряющим тоном Селифан. – Куда они лошадей дели? Ведь это целый табун! Шутка ли, семьдесят пять голов. Их в стогу сена как иголку не спрячешь! Кормить их, к тому же, тем же сеном надо. А, Порфирий Петрович?

– И овсом! – не сразу отозвался Порфирий Петрович и продолжил: – Расспросить в Торжке надо будет: не продавал ли кто недавно лошадей... или сена с овсом не покупал ли кто много?

– И в полку нашем надо расспросить.

– Почему в полку? – удивился Порфирий Петрович.

– Потому, – наставительно ответил Селифан, – что полк наш под Торжком стоит.

– С чего ты взял, что он под Торжком стоит?

– Давеча, когда через Торжок проезжали, я знакомого фейерверкера Дубова встретил.

Он и рассказал.

– Так что же ты раньше не сказал, ирод?

– Хотел, да забыл. Да и некогда нам было. Думал, на обратном пути вам сказать. И сказал.

– Ну, Селифан! Ну!.. – только и смог выговорить Порфирий Петрович. – Ты у меня когда-нибудь получишь, Фигаро!

– Порфирий Петрович, гляньте-ка вправо! – остановил поток его брани Селифан. – Не ровен час, разбойники. Вон как на нас скачут!

Вдоль дороги шло поле, и по нему, наперерез их тройке, скакало три всадника. Снег там, где они скакали, был или утоптан или сдут ветрами, и они лихо по нему скакали.

– Эй, родимые, – стеганул кнутом лошадей Селифан, – не выдайте! – И тройка понеслась.

Прибавили и всадники.

– Пистолеты под сундучком, – напомнил Селифан Порфирию Петровичу, где хранились пистолеты, но капитан и без напоминания уже достал их. Держа в правой руке и левой руке по пистолету, он неотрывно смотрел на всадников, готовый в любую минуту выстрелить. То, что это были разбойники, он не сомневался. И намерения у них были самые серьезные. Их лица, укрытые по самые глаза треугольниками черных платков, были в том же самом сосредоточенном ожидании того момента, когда можно будет выстрелить из мушкетов, которые они держали в согнутых в локте руках.

«Выстрелю, когда различу их глаза, – решил для себя Порфирий Петрович. – Только бы проскочить то место, тогда будет время перезарядить пистолеты».

Разбойников было трое, а пистолетов два. Необходимо было проскочить раньше разбойников то место, где они намеревались перерезать им путь.

– Проскочим, будьте покойны, Порфирий Петрович, – угадал Селифан мысли капитана артиллерии в отставке.

А разбойники приближались все ближе и ближе. Уже были слышны их гортанные выкрики.

– Да стреляй же, Порфирий! – не выдержали нервы у Селифана.

Порфирий Петрович даже не шелохнулся. Плавнo, не целясь, он нажал на курок пистолета, который держал в правой руке; потом положил его себе за спину и сказал громко Селифану:

– Заряжай!

– Да как же!..

– Заряжай, – повторил еще раз Порфирий Петрович и переложил из левой руки в правую руку второй пистолет.

Первым же выстрелом он угодил в грудь лошади первого разбойника, вырвавшегося чуть вперед, и она рухнула на скаку на бок, придавив собой седока. Остальные два разбойника даже не посмотрели в сторону своего упавшего товарища, и один из них прицелился в Порфирия Петровича – и выстрелил!

Пуля просвистела возле его щеки. Слава Богу, не попала ни в Селифана, ни в лошадей!

Вторым своим выстрелом Порфирий Петрович снес стрелявшему с головы мохнатую кавказскую шапку и, пожалуй, не только ее. Потерявший шапку взмахнул руками и, опрокинувшись на спину, вылетел из седла. Одна его нога застряла в стремях, и лошадь, метнувшись в сторону, понеслась по полю, волоча по снегу его разбойническое тело.

Третий разбойник тут же осадил своего коня и повернул назад. Видно, наглядный урок, продемонстрированный Порфирием Петровичем только что двумя выстрелами, остудил его разбойничий пыл.

– А ведь и правда, Порфирий Петрович, меток ты! – отдышавшись и переведя лошадей на тихий шаг, проговорил Селифан.

Порфирий Петрович ничего не ответил. Они уже отъехали с версту от того места, где напали на них разбойники, а он все держал в руке пистолет. Так и доехал до расположения бывшего его полка.

Было уже далеко за полночь, когда они подкатили к дому купца Прозорова, отданному на постой командиру батальона майору Дружинину. В тот вечер все офицеры полка собрались у него по обыкновенному поводу: поиграть в карты, а потом хорошо выпить и хорошо закусить. И Порфирий Петрович вошел в прокуренную залу как раз в тот момент армейского обыкновения, когда игра в карты плавно перетекала в веселую попойку. Все офицеры обступили капитана артиллерии в отставке. Тут же начали расспросы. Как он? Откуда? По какому случаю оказался тут? И прочее и прочее! В общем, известные вопросы в таких случаях – и известные ответы на них. Слава богу, жив-здоров. В Торжке оказался случайно проездом в Москву. Узнал, что полк стоит здесь, потому и заехал. «И правильно сделал!» – сказал кто-то в ответ, и кто-то не преминул напомнить, что по этому поводу обязательно нужно выпить.

Выпили, и не один раз. Потом общий разговор, как это всегда бывает, рассыпался на отдельные разговоры. И Порфирий Петрович, улучив момент, отвел в сторону хозяина дома майора Дружинина.

– Володя, – обратился он к нему по старой дружбе, – дело... видишь ли... какое. Всего я тебе не могу рассказать. Поверь, если бы моя только воля, то я бы непременно...

– Порфирий, голубчик, к чему такие политесы? – прервал Порфирия Петровича майор. – Ты же знаешь, я их не люблю. Говори прямо, что ты хочешь от меня?

– Володя, ответь, никто в последнее время не предлагал вам для продажи лошадей?

– Предлагал, но нам они не нужны пока. А что?

– Кто? Мне очень важно это знать.

– Важно? – несказанно удивился майор. – Зачем? – И тут же засмеялся: – Молчу, молчу! Тайна же. – Майор на мгновение задумался. – Лошадей предлагал нам...

– Человек в черном!

– Помилуй, почему в черном? Ах да!.. Все вспомнил! Лошадей предлагал нам управляющий князя Ростова.

– И сколько он вам их предлагал?

– Много.

– Вспомни точно, Володя, сколько?

– Извини, не вспомню. И не проси!

– Я очень тебя прошу, вспомни.

– Хорошо, я постараюсь, но не сейчас. Ты же видишь, что я пьян. Завтра протрезвею – и вспомню. Ты, надеюсь, заночуешь у меня?

– С превеликим удовольствием! – ответил Порфирий Петрович, но заночевать ему у майора не пришлось. Через пять минут в дом к майору нагрянули полицейские чины и арестовали капитана артиллерии в отставке – Порфирия Петровича Тушина!

Конечно, арестовали не без некоторого замешательства, которое было устроили офицеры, разогретые вином, и весьма изрядно. Пришлось самому арестованному отбивать полицейских от своих разъяренных защитников.

– Господа офицеры, это недоразумение! – кричал Порфирий Петрович весьма благородно и убедительно. – Позвольте пройти мне вместе с ними в участок и там разъяснить это недоразумение. Позвольте!

Разумеется, благородство капитана в отставке полицейские не оценили. Выяснять недоразумение с ним в участке они не стали, а тотчас с молчаливым сопением запихнули в холодную и темную камеру.

Утром его допросил с пристрастием тверской полицмейстер, Бог весть как оказавшийся в Торжке! И вообще, в этом деле было столько несуразностей и зловещих совпадений, о которых мы пока интригуяще умолчим, что Порфирий Петрович поначалу принял все происходящее с ним за сон и на допросе беспрерывно тер глаза, чтобы наконец-то проснуться, – но не проснулся.

А впрочем, зачем молчать, да еще интригуяще, когда такие злодеяния приписали Порфирию Петровичу?

Итак, протокольно, без эмоций. Эмоции оставим адвокатам и присяжным заседателям. Порфирия Петровича Тушина обвинили в следующих преступлениях: поджог дома помещицы Коробковой П. В., в котором она и все находившиеся на тот момент люди сгорели заживо, дотла, до белых, так сказать, косточек; потом, спасаясь от погони, которую устроили за ним люди князя Ростова Николая Андреевича, прослышав о поджигателе, убил лошадь и ранил в голову человека князя Николая Андреевича Ростова.

Подавленный случившимся, нет, не с ним, а с Пульхерией Васильевной! он вернулся в камеру.

Ночью Порфирий Петрович бежал из тюрьмы!

Побег из тюрьмы Порфирия Петровича Тушина наделал много шума как в прямом, так и переносном смысле. Столь дерзко так еще никто не бегал. Толпами местная публика ходила к зданию тюрьмы, в коем дерзкий беглец, – вернее, дерзкие сообщники Порфирия Петровича проделали огромную дырищу посредством взрыва. Несомненно, без артиллерийского пороха тут не обошлось. И тут же было учинено следствие, которое, впрочем, тут же и замяли. Замял командир полка. Полк через неделю должен был выступить в поход. Его ждали под стенами Константинополя!

А Порфирий Петрович тем временем с Селифаном несся на тройке на пепелище Пульхерии Васильевны, чем и сбил со следа своих преследователей. Те думали, что капитан артиллерии в отставке ринется в Париж через Москву.

Порфирий Петрович до последнего момента не верил в то, что рассказал ему тверской полицмейстер. «Выдумал! – твердил он всю дорогу. – Ничего умней не могли придумать, как обвинить меня в этом. Сейчас я увижу ее. Сейчас я ее увижу!»

– Злодеи! – вырвался из груди его крик. – Ах, какие злодеи!

Нет, ничего не выдумал тверской полицмейстер. Все оказалось сущей правдой.

Никого не видя, ничего не замечая, долго стоял в безумном молчании Порфирий Петрович там, на пепелище.

А Селифан с не менее скорбным лицом, чем у безутешного капитана в отставке, внимательно обозрел ужасную картину пожарища; что-то даже поднял с земли, понюхал и запихнул за пазуху; тихо о чем-то переговорил с каким-то мужичком и с какой-то бабой. Во время разговора с ними все качал понимающе головой. Потом снял шапку, перекрестился. Подошел к Порфирию Петровичу и, обняв за плечи, отвел к тройке и усадил в сани.

Тут подъехала еще одна тройка. Из нее выплыл господин весьма изысканной наружности в иссиня-черной, с бобрами, шинели, сшитой на английский манер. Помог выйти двум барышням. Барышни сразу же направились к пепелищу, а важный господин чуть поотстал и по-французски спросил, как могут только они одни, важные господа, спрашивать, ни к кому не обращаясь:

– Кто такие?

Селифан пренебрег вопросом. Более того, он как бы и не заметил ни подъехавшей тройки, ни барышень – и уж конечно же, не заметил важного господина. Демонстративно повернулся к нему спиной и сказал Порфирию Петровичу по-русски, легко грассируя:

– Сир, вот прелести ездить инкогнито! – И засмеялся на чистейшем французском: – Вы не находите?

Важный барин тотчас сделал круглые глаза, но не смешался.

– Извините, – сказал он и чуть склонил голову. – Горе у нас, – обратился он по-французски к Селифану. – У подруги моей сестры вчера заживо сгорела мать. – И указал глазами на барышень.

– Разделяем ваше горе, – ответил Селифан, сделал приличествующую в таких случаях паузу и спросил: – Надеюсь, злодея уже нашли?

– Говорят, нашли, но он сбежал.

– Да как же так, сбежал? – изумился Селифан.

– А вот так, сбежал, – развел изящно руками важный господин. – Темная история.

– Поехали! – крикнул в этот момент Селифану Порфирий Петрович.

Селифан раскланялся с господином в иссиня-черной шинели; с необыкновенной быстротой и ловкостью для своего медвежьего тела прыгнул в сани, взял вожжи в руки, натянул их и гаркнул залихватски. тройка резко тронулась и понеслась.

Глава одиннадцатая

В совершеннейшее смятение мыслей и чувств привел графа Ростопчина рассказ капитана артиллерии в отставке.

Правда, сперва он, московский генерал-губернатор, не поверил ни одному его слову. Уж больно сильно пахло сочинительством, французским романом.

Граф сам пописывал на досуге, и, разумеется, из-под его пера выходили не сентиментальные оды и прочая чувствительная чепуха в духе Карамзина. Рубленным слогом армейских приказов писаны были все его произведения! И будучи человеком прямым до грубости, Ростопчин ухватил своими кулачками белыми серый сюртучишко Порфирия Петровича, да так сильно, что сюртук брызнул во все стороны белыми нитками!

– Признайся, что наврал! – возопил он в праведном гневе.

– Вы забываетесь, граф, – ответил Порфирий Петрович, и васильковые его глаза с ледяной поволокой слез налились кровью.

Вмиг вразумили Ростопчина эти глаза, ставшие вдруг черными из-за зрачков, которые расширились до размера ствола дуэльного пистолета.

Слава Богу, они были отходчивы оба и в тот же миг обнялись.

Потом граф зашагал по комнате в смятении тех мыслей и чувств, о которых я вкратце сказал выше.

– Ах, изверги! Ах, душегубы окаянные! – повторял он беспрерывно. – Вот что, – наконец остановился он перед Порфирием Петровичем. – Вот что, голубчик. Это дело мы так, конечно, не оставим. Но тебя ведь сейчас, почитай, пол-России... как беглого каторжника ищет! Переодеться тебе надо, спрятаться.

– Я сам должен распутать сей змеиный клубок!

– Разумеется, сам и распуташь. Больше и некому. Но спрятаться тебе, переодеться, Порфирий Петрович, необходимо. Переменить обличье! – озарило вдруг Ростопчина. – Именно, переменить обличье.

– В маскераде, что ли, поучаствовать? – с некоторой брезгливостью переспросил капитан артиллерии в отставке.

– А хоть бы и в маскераде! – всплеснул руками Ростопчин. – Что за беда? Они нам вон какой маскерад устроили! – И он невольно глянул в окно. – А вот и по мою душу... из Петербурга, – сказал он через секунду.

В окно он увидел, как три тройки остановились возле его генерал-губернаторского дома – и из саней высыпалось на снег человек семь в конногвардейских мундирах. Среди них он сразу отличил генерала Саблукова.

Огромный, в медвежьей шубе, небрежно накинута на плечи, генерал Саблуков сам был похож на медведя посреди своих медвежат – конногвардейцев.

Медвежьей походкой он направился к крыльцу, перед этим что-то прорычав своим медвежатам. По тому, как враз посерьезнели у них лица, а они до генеральского окрика чему-то или над кем-то весело смеялись, Ростопчин решил, что он им сказал что-то очень грозное.

Но стоило генералу Саблукову скрыться в дверях генерал-губернаторского дома, как они опять безудержно начали хохотать. И так заразительно они это проделывали, что Ростопчину нестерпимо захотелось узнать, над чем они там хохочут. Он готов был даже открыть окно и выглянуть, но одумался. Все же генерал-губернатор.

О генерале Саблукове – первом фаворите государя, человеке очень значительном – он напрочь забыл и вспомнил только тогда, когда слуга Прохор вошел в комнату и сказал подчеркнуто буднично:

– К вам курьер от государя.

Генерала Саблукова Прохор не жаловал.

Ввиду того, что Прохор весьма незначительный персонаж в моем романе, я не вхожу в подробности причины, по которой он не любил, даже ненавидел сего генерала.

– Сейчас буду! – спохватился Ростопчин. – Извини, голубчик, – обратился он к Порфирию Петровичу. – Дела. Потом договорим! – И вышел из комнаты вслед за Прохором.

А конногвардейцы смеялись по весьма пустяшному поводу.

Высыпав из саней на снег, словно медвежата из берлоги, они, уставшие от неподвижного и долгого сидения в тесноте саней, дали волю своим молодым телам. Кто-то из них, кажется, поручик Ахтырцев, самый молодой и резвый, зачерпнул снег руками, утер им лицо – да и сказал:

– Господа, а в Москве-то снег сахарный!

– Как и московские барышни! – засмеялся в ответ штабс-ротмистр Бутурлин, первый красавец и бретер в полку, и повел своими выпуклыми глазами в сторону проходившей мимо них в тот момент барышни со своей гувернанткой. Все, естественно, посмотрели в ту сторону – и, разумеется, дружно засмеялись.

Барышня, и без того румяная от мороза, разругалась еще больше, а ее гувернантка, тощая английская селедка (о чем тут же шепнул всем Бутурлин), стала неистово долбить каблуком московский сахарный снег, будто он виноват был во всем!

Конногвардейский хохот наверняка бы добил гувернантку окончательно, если бы не грозный окрик генерала Саблукова. Воспользовавшись генеральской поддержкой, гувернантка показала притихшим конногвардейцам ехидный свой длиннющий язык, потом взяла за руку свою барышню и гордо потащила ее прочь от невоспитанных шалунов.

Словно выстрел ей в спину, был вновь разразившийся молодецкий хохот петербургских проказников!

А генерал Саблуков в это время, заложив руки за спину, прохаживался по приемной зале, будто по музейной, с неподдельным интересом разглядывая старинные гобелены, вывешенные вдоль стен. Особенно его заинтересовал гобелен, изображавший сцену взятия крестоносцами Константинополя в 1204 году.

За рассмотрением этой впечатляющей батальной картины и застал его Ростопчин.

– Извини, мин херц, что вынудил тебя ждать, – подошел он к генералу.

Они были знакомы с времен если не Очаковских, то уж точно – триумфальных! Бесстрашное и бесхитростное было время. Делить, кроме общего крова походной палатки, им тогда, молодым гвардейским офицерам, было нечего. А сейчас?

И сейчас делить им было нечего. И генерал от кавалерии обнял московского генерал-губернатора. Молодость свою если только, но ее разве разделишь? Она вон где! На гобеленах ее скоро выткнут, золотой и серебряной нитками обовьют – и задушат. И будет какой-нибудь старичок-генерал, как они сейчас, взирать на сей гобелен.

В общем, они без слов поняли друг друга – и рука в руку троекратно поцеловались; прошли в лиловый сумрак генерал-губернаторского кабинета.

– Федор, – заговорил Николай Алексеевич Саблуков, расстегнув мундир и достав с груди синий пакет с пятью сургучными печатями, – я к тебе от государя фельдгегерем! – И как ни старался он придать своему голосу официальный тон, что было ему не так уж и трудно (не голос был у него, а голосище, медвежьему рыку подобный), а все же сорвался в раскатистую скоморошью скороговорку.

Ростопчин взял пакет, сломал сургучные печати, достал листок белой плотной бумаги, сложенный вдвое, развернул, прочел.

Я вами, граф, не доволен!

Павел

Государь по своему обыкновению был лаконичен.

– Николай, – недоуменно спросил Ростопчин Саблукова, – разъясни, чем я вызвал неудовольствие государя?

– Гнев, Федор, а не неудовольствие! Тот розыск, который учинил твой капитан Тушин, вызвал гнев у государя.

Ответ генерала так поразил Ростопчина, что белые его щеки пошли красными пятнами, тонкая жилка на шее нервически запульсировала, по всему его телу пробежала дрожь – и он чуть не спросил напрямую генерала: «Какая гадина об этом доложила государю?» Сдержался, не спросил. Спросил окольно:

– Положительно не понимаю, почему розыск капитана в отставке мог вызвать гнев у государя?

– Это дело поручено Аракчееву, – ответил генерал прямодушно на лукавый вопрос Ростопчина и посмотрел ему в глаза: мол, ты это хотел услышать от меня, Федя? – Остальным это делать государь запретил! – добавил после некоторой паузы, всем своим видом показывая, что в интригах сих не замешан – и никогда никому не позволит себя в никакие интриги замешать!

– Вот теперь мне ясно, – удовлетворенно вздохнул Федор Васильевич. Он преотлично знал тонкий, что швейцарский часовой механизм, механизм Двора. Пружину этого механизма заводил, конечно, государь император, но чтобы этот пружинный завод возымел действие, т. е. часовая стрелка побежала вслед за минутной, тысяча зубчатых колесиков должны были соизволить повернуться хотя бы на один зубчик. А Аракчеев был в этом механизме даже не зубчатым колесиком, а маятником, определяющим точность хода.

– Ты надолго в Москву? – задал вопрос Ростопчин генералу Саблукову, как бы давая понять, что он согласен во всем не только с государем, но и с Аракчеевым.

– На неделю. У меня еще есть кое-какие поручения здесь. – Генерал замолчал. Рассказать, какие еще поручения, весьма секретные, ему поручил государь в Москве, он не мог. – Но, Федор, – уже в дверях сказал генерал Саблуков, – знаю, что не слушаешься, и говорю: шпионить за тобой я не послан – и не буду!

– Постой, – взял его за руки Ростопчин и опять увлек в лиловый сумрак своего кабинета – и все ему в этом сумраке без утайки рассказал.

Или лиловый сумрак, заговорщицкий, на генерала подействовал, или сам Ростопчин неожиданной своей прямоотой заворожил, но согласился он московскому генерал-губернатору поспособствовать...

Глава двенадцатая

Генерал остановился в Москве у князя Ахтарова, чем и вызвал сразу же серьезные разговоры в кругу московских сановных старичков, людей весьма умудренных. В Английском клубе они договорились даже до того, что, мол, не просто так первый фаворит царя, генерал Саблуков, поселился у отъявленного англomана – князя Василия Платоновича Ахтарова: мол, тем самым Петербург, т. е. государь император дает понять Англии, что он не прочь с ней сблизиться – и решительно разорвать с Францией.

И только один трезвый голос осадил старичков.

«Помилуйте, господа, при чем тут Англия? – сказал им всем обер-полицмейстер Тестов. – Князь приходится генералу родным дядей по материнской линии. Приличия того требуют, чтобы генерал у него поселился!»

Старичкам обер-полицмейстеру было нечем возразить, и все же они решительно не согласились с его доводом. Уж больно оригинальнейшей личностью слыл князь Ахтаров в пер-вопрестольной.

Он, шестидесятилетний холостяк, нигде никогда не служил. Вся жизнь его прошла в путешествиях, и весьма романтических.

Поговаривали, что пятнадцать лет он бороздил моря и океаны в облике капитана пиратской шхуны – и за свои пиратские подвиги был возведен королевой Англии в английские лорды – случай неслыханный в истории надменного Альбиона!

Князь лишь усмехался над этой, как он говорил, небылицей. При этом его лошадиный подбородок отвисал вниз – и громовой хохот сотрясал московские гостиные, да так, что стекла в окнах порой лопались; а фарфоровых чашек, выроненных из испуганных рук московских барынь и барышень, было перебито столько, что ему перестали намекать на его корсарское прошлое. Так что давайте и мы оставим пока в покое и князя Ахтарова, и его племянника, генерала Саблукова, и займемся медвежатами – конногвардейскими офицерами, что приехали вместе с генералом в Москву.

Поселясь в Лефортовых казармах, они в первую же ночь устроили такой кутеж, что наутро о нем заговорила вся Москва!

В подробности сего кутежа мы входить не будем. Скажем только, что они были столь непотребны, что московский генерал-губернатор незамедлительно принял меры.

Штабс-ротмистру Бутурлину было предписано в двадцать четыре часа покинуть Москву и пределы Московской губернии. Остальных своих медвежат генералу Саблукову удалось все-таки отстоять.

Чтобы Бутурлин наверняка покинул Москву и Московскую губернию, Ростопчин назначил ему в сопровождающие чиновника по особым поручениям князя Андрея Ростова. Опрометчиво, скажем, назначил.

Князь Андрей самолично принимал участие в конногвардейском кутеже, правда, до его апогея, Бог миловал, не дожил, т. е. был к тому моменту мертвецки пьян.

Не выдержал.

Серебряное ведро из-под шампанского его свалило.

На пари с тем же самым Бутурлиным в один неотрывный глоток он выпил влитые в это ведро три бутылки Клико – и рухнул тут же на пол, но пари выиграл!

Его подняли, отнесли в сани, уложили рядом с предметом пари и отправили домой. В объятиях этого предмета его и разбудил курьер, прибывший от Ростопчина.

– Ты что же, черт, меня так рано разбудил? – заорал на курьера князь Андрей.

– Да как же так рано, ваша светлость? – стыдливо отвел глаза курьер от «предмета», лежащего на спине поперек кровати князя. – Вечер давно на дворе! Генерал-губернатор вас к себе требует.

– Вечер? Губернатор требует? – князь Андрей протер глаза. Посмотрел на «предмет». Глаз он, как курьер, от «предмета» не отвел, но явно был озадачен, хотя неловкости никакой не чувствовал. Всю жизнь мечтая о военной службе, и непременно... чтоб в гусарах, он так себе эту службу и представлял. Из объятий прелестной незнакомки его срывают в ночь, в пургу кромешную! И спросил требовательно: – Зачем?

– Не могу знать. Но дело весьма срочное!

– Выйди вон! – сказал князь курьеру. – Я сейчас. – Задернул одеялом прелестную незнакомку и стал одеваться.

– А как же я, Андре? – спросила незнакомка.

– Жди меня здесь, Жаннет, – наконец-то вспомнил князь имя незнакомки, французской актрисочки. Не раз он лорнировал из партера ее ножки и детские яблоки груди, когда в балете представляла она то нежную пастушку, то какую-нибудь нимфу из античной мифологии. Но и только! Лорнированием все и ограничивалось. Как она, отнюдь не мифологически, оказалась в его постели, он так и не вспомнил.

Ростопчин принял князя Андрея Ростова в своем кабинете, лиловый сумрак которого был специально разметан по углам нестерпимым светом свечей.

Князь был легкомысленно молод, ему шел девятнадцатый год, а Федор Васильевич в строгих летах и генерал-губернатор! Тайнственно доверительный сумрак был ни к чему.

Мало ли чего вообразит вдруг князь себе в этом сумраке?

И действительно, мог вообразить.

Шампанское все еще пенилось в его голове, воздушные пузырьки все норовили приподнять, унести в высь, и князь, ежесекундно вставая на цыпочки, тут же осаживал свое желание взлететь – и опрокидывал себя на пятки.

– Князь, – сухо сказал Ростопчин (что творится с князем Андреем, он счел возможным не заметить), – я поручаю вам сопроводить штабс-ротмистра Бутурлина за пределы нашей губернии до самого Петербурга. Этот господин выслан мной за безобразное свое поведение. Надеюсь, что вы исполните мое поручение в точности. Кроме того, князь, вам надлежит доставить вот этот пакет (Ростопчин взял со стола голубой пакет) вашему отцу князю Николаю Андреевичу Ростову. Можете его завезти на обратной дороге. Впрочем, как вам будет угодно. – И передал пакет в руки князя. – Исполняйте.

Князь Андрей молча повернулся и вышел из кабинета.

Возле крыльца его уже ждала тройка.

– Похмелимся, князь? – услышал он голос Бутурлина, и твердая рука конногвардейца втянула его в сумрак кибитки. Сумрак был черный, дегтярный – греховный!

Кроме Бутурлина, в кибитке еще кто-то был.

– Жаннет, подвинься, – засмеялся Бутурлин, – дай князю поудобней усестся, а то он все шампанское на нас прольет!

«Боже, – подумал со страхом князь Андрей, – ее-то он взял с собой зачем? Как я с ней и с ним покажусь на глаза батюшке? – И тут же себя успокоил: – Передам пакет на обратном пути... как граф и просил».

До Торжка они ехали весело, как говорится, не просыхая. Но в Торжке штаб-ротмистр вдруг сурово заявил:

– Все, Андре, больше мы не пьем!

– Да как же так, Вася? – удивился князь Андрей. – А похмелиться?

– И похмелиться запрещаю. К батюшке твоему едем... знакомиться!

– Зачем? – сконфузился князь. Персиковый румянец на его щеках выступил.

– Да нет, ты не понял меня, Андре. Я не Жаннет с твоим батюшкой хочу познакомиться. Я сам хочу с ним познакомиться. А Жаннет мы, так и быть, за мою жену выдадим, чтобы не смущать ни тебя, ни батюшку твоего. Как, Жаннет, согласна моей женой два дня побыть?

– Фи, Бутурлин, какой ты грубый чурбан! – засмеялась Жаннет. – Я в твоей комедии участие не приму.

– А если шубу тебе куплю и прочую золотую чепуху, что приличествует моей жене иметь? – хитро улыбнулся Бутурлин.

– Я честная девушка, Бутурлин! Меня этим не купишь. – Жаннет даже топнула ножкой. Так она была неподдельно возмущена конногвардейской его улыбкой.

– А если я на колени перед тобой встану? – согнал улыбку с лица Бутурлин.

– Вставай! – гордо повела плечиком Жаннет.

Бутурлин тут же бросился на колени.

– Хорошо, хорошо, – торопливо заговорила Жаннет, – я согласна, если Андре разрешит. – И она посмотрела на князя Андрея.

В жар бросило князя от ее взгляда. У него с ней, французской артисткой, актрисулей, известные, как говорится, сложились отношения, но передать ее с руки на руки было бы, наверное, подло.

– Я, Андре, тебя не уступить мне Жаннет прошу, – понял юного князя Бутурлин. – Женой она мне будет понарошку.

– Понарошку?

– Разумеется, понарошку! Или ты ее хочешь здесь в номере с клопами и тараканами оставить, пока мы у твоего батюшки гостить будем?

– Нет, конечно!

– Тогда и толковать нечего. Сейчас мы с Жаннет идем покупать ей наряды, а завтра едем к твоему батюшке знакомиться.

Легко Бутурлину было сказать: завтра едем к твоему батюшке знакомиться, – да трудно исполнить. Батюшка князя Андрея князь Николай Андреевич Ростов гостей не жаловал.

Глава тринадцатая

Что окаянно песню заводишь ты,
Флейте подобно, снегирь?
Неточная цитата из Державина

Полосатый шлагбаум преградил им дорогу в княжеские владения. Конный разъезд гарцевал неподалеку, на пригорке. Из полосатой будки выскочил черкес такой зверской наружности, что ямщик сиганул в лес!

– Ахмет, это я, – поспешно выскочил князь Андрей из кибитки.

Черкес молча поклонился и поднял шлагбаум.

Через полчаса они беспрепятственно миновали по подъемному мосту с двумя башенками широкий ров.

Мост был опущен заранее, будто тех, кто к этому мосту был приставлен, предупредили каким-то непостижимым образом. По крайней мере, мост за ними был тотчас поднят.

– Не усадьба, а военный лагерь, – высунувшись по пояс из кибитки, сказал Бутурлин.

В амбразурах башенок он увидел жерла пушек.

Потом его внимание привлек воздушный шар.

Шар с нарисованным на его оболочке двуглавым орлом – таков был герб князей Ростовых – парил в небе над княжеским дворцом.

Князь Андрей приказал ямщику остановиться. Дальше можно было идти только пешком, если, конечно, позволят.

Перед дворцом, на огромном плацу, выметенном до последней снежинки, маршировала под морозную дробь барабана и снегириное пение флейты рота солдат, одетых в форму времен царствования Елизаветы Петровны, – и сам князь Николай Андреевич Ростов, опершись на трость, строго наблюдал за всем этим военным великолепием.

Не спрашивая ничьего соизволения, он, выйдя в отставку, завел у себя войско числом до трех батальонов пехоты, т. е. целый полк!

Прослышав об этом, матушка императрица Екатерина Вторая только махнула рукой: «Не воевать же мне с ним, византийским императором? Мне бы с потешными сына моего справиться!»

Мудра была императрица матушка. Прилепив прозвище к князю Ростову – византийский император, она не только без единого выстрела справилась с князем, но и сына своего, Павла Петровича – гатчинского императора – укоротила, так сказать, до княжеского росточка: мол, не быть тебе, сын мой любезный, русским императором никогда!

Из князя – не в императоры, а... помните куда?

Сию материнскую шутку Павел не забыл. Первый его императорский Указ был о войске князя.

Распустить!

Князь Указ не исполнил.

Он и его матушку, Екатерину Вторую, за императрицу не признавал, а уж сына ее... тем более.

Но мудрым оказался и государь император Павел I.

«Что порох зря тратить, русскую его Византию завоевать? Невелика будет прибыль, да и недосуг, – сказал он. – Нам Византию настоящую бы завоевать!»

Насмешку императорскую князь вряд ли бы стерпел, если бы узнал о ней.

Впрочем, все, что происходило за широким рвом, которым он окопал свое поместье, его мало интересовало. Время остановилось для князя на времени царствования дочери Петра Великого Елизаветы.

Был ли он сумасшедшим или старческий маразм был причиной всем его причудам?

Не знаю.

Маразматика и сумасшедшие, конечно, могут и в небо шар воздушный запустить, и всякие опыты с электричеством проделывать, а он их проделывал, и даже порох бездымный изобретал (пока, правда, безуспешно), но все-таки сдается мне, что ни сумасшедшим, ни маразматиком он не был, а просто играл в них.

Зачем?

Не знаю.

Может, вам удастся ответить на этот вопрос?

Заметив остановившуюся кибитку и узрев своего сына Андрея в обществе дамы и конно-гвардейского офицера, князь Николай Андреевич резко запрокинул голову вверх, словно кто-то дернул его за косицу (даже пудра всклубилась над его париком). Затем, немного помедлив, указал тростью на то место, куда им следует встать, чтобы он их рассмотрел получше.

Когда они встали, тростью указал на Бутурлина. И все это в полном молчании, под морозную дробь барабана и снегириное пение флейты. Очень это все выглядело эффектно!

У Бутурлина уже щеки раздувало от смеха, но все же он сдержался.

– Лейб-гвардии Конного полка штабс-ротмистр Бутурлин! – отчеканил его голос литавренной медью барабанную дробь и пение флейты. Старый князь взметнул брови. – Придан в сопровождение князю Андрею Николаевичу Ростову. На дорогах нынче шалят, ваша светлость, – добавил неуместно, но это почему-то сошло ему с рук.

– Не сыном ли подполковника Бутурлина Василия Ивановича будешь? – спросил старый князь. – Тоже шалопай был порядочный.

– Внук, – ответил Бутурлин и позволил себе улыбнуться.

– Жив? – отрывисто, как отдают команды, спросил старый князь.

– Никак нет, – в тон ему ответил Бутурлин, – умер!

– Жаль, отличный был офицер. До полковника мог бы дослужиться! – добавил сокрушенно, хотя отлично знал, что Василий Иванович Бутурлин умер в фельдмаршальских чинах. – А это кто такая будет? – указал глазами на Жаннет. Тростью указать на даму, у него, как у галантного кавалера, и в мыслях не было.

– Француженка, ваша светлость, – ответил небрежно Бутурлин и учтиво представил ее старому князю: – Жаннет Моне. – И Жаннет скромно поклонилась старому князю, а сердце у юного князя Андрея в этот миг остановилось; потом вдруг пошло – и забилось часто-часто. «Ну, ты погоди у меня, – бешено и гневно подумал он о конногвардейце. – Шутник!..» А Бутурлин скосил на него свой красивый лошадиный глаз и продолжил:

– От разбойников отбили ее вместе с вашим сыном, ваша светлость. – И как бы за подтверждением своих слов посмотрел опять на князя Андрея. И тут же подмигнул ему: мол, не трус, не выдам, – а сам такое стал говорить, что сердце у князя Андрея, нет, не остановилось, а раздвоилось, переместясь в кулаки, а кулаки у него, несмотря на его юный возраст, были преогромнейшие. И вот эти кулаки, отнюдь не нежно, готовы были обрушиться на спину Бутурлина! Запахло, в общем-то, сатисфакцией.

– Мадмуазель Жаннет, – начал Бутурлин свой рассказ о дорожных злоключениях бедной французской девушки, – была выписана вашей здешней помещицей Коробочкой...

– Коропкофой! – тут же, по-русски, поправила его Жаннет.

– Пардон, мадмуазель, у наших помещиц такие несносные фамилии, Впрочем, имена еще несносней. Не выговоришь!.. Так вот... эта помещица Коробкова Пульхерия (Бутурлин не отказал себе в удовольствии рассмеяться) Васильевна выписала из Москвы для своей дочери

Параши (смехом и это имя он отметил) нашу милую Жаннет, чтобы она обучила ее в совершенстве французскому языку и прочим светским премудростям, так как следующей зимой намеревалась выдать дочь свою Парашу замуж!

«Ну, тут ты совсем заврался, Бутурлин!» – хотел уже выкрикнуть князь Андрей, но получил удар острым локотком под самые ребра. И так Жаннет это ловко и молниеносно проделала, что ни старый князь не заметил, ни князь Андрей не понял, отчего ему вдруг стало трудно дышать. Когда же дышать ему стало полегче, дышать ему вовсе расхотелось – да и жить тоже!

– Увы, – сказал Бутурлин – и, как опытный рассказчик, с бесстрастным лицом, но давая понять, что рассказ его близится к развязке, и к развязке весьма печальной, тяжело вздохнул: – Бог рассудил иначе!

– Все мы под Богом ходим, – насупился старый князь. До этого момента он равнодушно слушал рассказ Бутурлина.

– Так ваша светлость уже догадалась, чем все кончилось для бедной французской девушки Жаннет, для помещицы Коробковой и для ее дочери Параши? – Старый князь ничего не ответил. – Сгорели заживо! – воздел руки к небу Бутурлин. – И Пульхерия Васильевна – и Параша! Одна Жаннет только и спаслась. Той ночью она роман французский читала.

– Хоть такая польза от этих французских романов, – недовольно проворчал старый князь. – Пойдемте в дом. Холодно. – Он как-то внезапно сник. Взгляд его синих византийских глаз померк. И рота его куда-то без него маршировать ушла, а он даже не заметил этого. Один, снегириного цвета, кафтан его и остался гореть на плацу.

Глава четырнадцатая

Жаннет и Бутурлина старый князь определил в правую половину своего дворца.

– Отведи их... в комнаты императрицы и генералиссимуса! – приказал он дежурному по караулу офицеру. – А ты за мной ступай, – выкрикнул князю Андрею – и пошел, не оборачиваясь, через всю залу к закрытой двери, возле которой стояли на часах два гренадера с ружьями, торжественно грозные в своей истуканской неподвижности.

Часовых к дверям старый князь выставлял только в особых случаях: в день рождения императрицы Елизаветы Петровны, в свои именины и в дни, когда у него гостил не какой-нибудь, а любезный его сердцу гость, – т. е. выставлял всегда, когда у него гостил гость, так как не любезных сердцу гостей он гнал взащей!

Они у него и до первого его шлагбаума не доезжали: праздное их любопытство узреть воочию чертоги княжеские, царские, черкесы нагайками удовлетворяли.

А воззреть, действительно, было на что! Воззреть – и удивиться.

Князь Николай Андреевич и князь Андрей Николаевич без удивления, разумеется, проследовали в кабинет старого князя через анфиладу, воистину, царских залов.

Им обоим было в привычку и вельможное великолепие золота, и строгость старинного серебра, и воздушная невесомость перспектив зеркальных, в которых это великолепие множилось и уходило в бесконечность. И они не вздрагивали каждый раз, за два шага до закрытой двери, когда эта дверь сама собой вдруг распахивалась перед ними. И удивленно, по-детски, не оглядывались назад, чтобы посмотреть, как эта дверь сама собой сомкнется за ними.

Старый князь сам изобрел и собственноручно изготовил первый экземпляр механизма для секретного паркетного квадрата, на который нужно было наступить, чтобы дверь распахнулась. Потом по его чертежам крепостными мастерами были изготовлены механизмы для всех остальных дверей дворца; а через некоторое время один из этих механизмов был подвергнут весьма и весьма тщательному и кропотливому исследованию князя Андрея.

За это «исследование» семилетний князь не только не был наказан, а даже поощрен! Правда, после этого князь Андрей охладел ко всяким механизмам. Как вы помните, он мечтал о военном поприще. В гусары рвалась его пылкая душа.

В гусары старый князь его не пустил, а определил в штатскую службу, точнее – сослал, так как юный князь влюбился! И вот что из этого вышло.

Об этом мог бы думать князь Андрей, идя за своим отцом, если бы его голова не находилась в некоем истуканском оцепенении. Да и весь он сам в нем находился, подобно тем часовым, выставленным опрометчиво его батюшкой в честь приезда черт знает каких гостей (добавлю в скобках, чтобы внести окончательную ясность: сомнительных гостей!). Отличало его от часовых только то, что те стояли в карауле возле дверей, а он стоял в карауле возле гроба своей любви!

Разумеется, «он стоял в карауле» – всего лишь метафора, но не дай нам Бог в таком состоянии очутиться, что только метафорами одними описать и возможно, хотя бы, как сказал поэт, отчасти.

Войдя в свой кабинет, старый князь мельком, но цепко глянул на сына. До этого, по правде говоря, он на него и не смотрел вовсе: все больше на Жаннет смотрел и иногда удостаивал взглядом Бутурлина, когда тот уж больно сильно, по мнению князя, завирался.

– Так зачем, – строго спросил он, – к тебе этот болтун приставлен? Князья Ростовы никогда в соглядатаях не нуждались! Ты слышишь меня или нет? – Князь Николай Андреевич отлично видел, в каком состоянии пребывает его сын князь Андрей, и ему отлично было известно, что привело его в такое безутешное оцепенение. Смерть Параша! И он закричал: –

В неведении пребываешь! Кому поверил? – добавил с некоторой обидой в голосе. – Этому конногвардейскому прохвосту поверил, а не своему отцу! Жива твоя Параша! Мать ее сгорела, а она жива. Жива, слава Богу, – закончил свою гневную тираду уже не так гневно и грозно. Перекрестился. – Ступай, – сказал чуть погодя. – Мне делом заняться надо.

– Она жива? – еще не веря сказанному, переспросил князь Андрей.

– Жива, жива, – скороговоркой проговорил старый князь, перелистывая какую-то конторскую книгу. – Ступай! – сказал недовольно, видя, что князь Андрей все еще никак не может отойти от потрясения.

– Так я... – не договорил фразу князь Андрей и порывисто направился к двери.

– Постой! – остановил его старый князь. Остановил вовремя. Несомненно, князь Андрей в горячке наговорил бы Бутурлину такое, что только двумя пистолетами потом отредактировать и можно.

– Вот что... – начал наставительно говорить сыну князь Николай Андреевич, но тут в кабинет вошел его секретарь Христофор Карлович Бенкендорф. Разумеется, он не просто так вошел. Старый князь его вызвал, нажав случайно или в забывчивости на потайную кнопку, вделанную снизу в крышку стола. Раздосадованный его появлением князь замолчал, но прочь прогонять не стал, да это было и не возможно! А казалось бы – чего проще? Так прогнать или извиниться – сказать Христофору Карловичу, что ошибся и случайно, по забывчивости вызвал его к себе звонком в кабинет. Христофор Карлович не обиделся бы и удалился. Но это было не в правилах князя. Он приучил всех – и, главное, приучил себя, что он никогда не ошибается.

– Христофор Карлович, надо сделать внушение управляющему, – обратился он к своему секретарю, не переставая читать и делать пометки в конторской книге. – Он опять напугал в свой карман! Тех лошадей ему напомним.

– Гнать его надо! Что с ним, вором, церемониться? – решительно заявил Христофор Карлович.

– Ох уж ваша остзейская непреклонная честность! – захохотал старый князь. Христофор Карлович происходил из остзейских немцев. Его ясный ум не мог постичь, зачем воровать, если рано или поздно поймают?

– Непременно прогнать!

– Прогоню, а толку. Другой придет воровать, – закончил старый князь просматривать конторскую книгу и раскатал по столу чертеж пушки. – Так что сделайте внушение!

– В последний раз сделаю, – простодушное сердце Христофора Карловича не могло постичь, как можно прощать вора за то лишь, что он вор? И тут его немецкое сердце и немецкий ум воссоединились вместе, и он сказал: – А уж потом под трибунал его, вора.

– Видишь, князь, – продолжил старый князь прерванный разговор с сыном (в руках он уже держал циркуль и вычерчивал им на чертеже окружности), – как у нас Христофор Карлович с ворами и обманщиками поступает. А ты с Бутурлина сатисфакции потребуешь. Не стоит он такой чести. – Старый князь оторвал свой взгляд от чертежа и посмотрел на князя Андрея. – Ступай! – вдруг вскрикнул он громко и сердито. – Ступай!

– Батюшка! – взревел в свою очередь князь Андрей, чем и поверг в неописуемый восторг старого князя. Неописуемый свой восторг он выразил в сдержанной улыбке в сторону Христофора Карловича:

– Смотрите-ка, – сказал он ему, – наконец-то голос у младенца прорезался.

– Батюшка, – уже спокойно повторил князь Андрей. – Только что вы говорили, что я под Бутурлиным хожу! – Ни о чем таком старый князь ему, конечно, не говорил, но так оно на самом деле и было. Ходил – и, как говорится, вприсядку юный князь Ростов под Бутурлинскую скоморошью дудку, ох, и всласть наплясался! – Так я решительно заявляю, что это далеко не так! – Князь хотел сказать, что Бутурлин сам у него под надзором ходит, но не сказал, так как

это была откровенная ложь. – Кстати, батюшка, – вдруг вспомнил он про голубой пакет, – вам послание от графа Ростопчина. – Просил меня лично передать его вам. – И протянул пакет.

Старый граф взял пакет, положил на стол и сказал:

– Завтра прочту.

– Нет, он просил непременно тотчас прочесть и тотчас дать ответ.

– Что за спешность такая? – удивился старый князь.

– А вы прочтите – и тотчас и узнаете, что за спешность такая! – Князь Андрей, в сущности, все еще оставался ребенком! И это непреложно доказывало слово «тотчас», которое ему вдруг так понравилось, что он его принял за волшебное, и потому три раза его повторил, чтобы уж непременно и, разумеется, тотчас исполнилось то, что он загадал. А загадал он вот что.

Если старый князь, т. е. его отец, прочтет сейчас у него на глазах письмо Ростопчина – и тут же даст ответ на него, то он, князь Андрей, женится на Параше!

Верней было загадать, скажу откровенно, на что-нибудь другое. Например, на жару тропическую посредине нашей зимы лютой или на что-то такое, совсем уж невообразимое, которому даже и названия нет, потому что нет его, невообразимого, и никогда не будет на белом свете!

– Полно, князь. Нынче мне недосуг ни до писем ваших, ни до тайн ваших! – вскипел старый князь, а письмо в руки все же взял – письмо от Александра Васильевича Суворова, генералиссимуса нашего непобедимого (третий месяц оно лежало у него на столе нераспечатанным), – да и отложил решительно в сторону! Но или день у князя Николая Андреевича такой выдался, или князь Андрей так сильно пожирал его своими умоляющими глазами, что он отвлекся на одну секунду и случайно, по ошибке вскрыл голубой пакет – и стал читать письмо Ростопчина.

Письмо старый князь прочитал молниеносно, а было оно на трех листах написано убогим почерком графа Ростопчина. Доверить писцу написать письмо граф не решился, и не потому, что оно было секретным, нет, секретов там никаких и не было, а потому, что письмо, если бы оно было написано писцом, старый князь и читать бы не стал. О том, что оскорбился бы невероятно, я и не говорю.

– Напиши ему, Христофор Карлович, – бросил старый князь прочитанное письмо на стол и продиктовал текст письма: – Пусть приезжают. – Проверил, так ли написал Христофор Карлович. Расписался. – Вечером отправим, – сказал князь Андрею. – Довольна твоя душа?

Душа юного князя ликовала! Знала бы она, кому смертный приговор подписал старый князь, подписавшись под вроде бы пустяшным и довольно странным письмом из двух слов «пусть приезжают»! Впрочем, что время торопить. Пусть детская душа его еще порадует.

По солнечному паркету дворца сквозь воздушную анфиладу счастья – надежды – любви – летел князь Андрей, и часовые, истуканами стоявшие возле дверей, глазами, только одними глазами, хотя и это было уже вопиющим нарушением устава караульной службы, улыбались ему!

Глава пятнадцатая

...далее, то ближе, то дальше
Юности, детства возок,
Их колокольчик валдайский!
Вот и совсем он умолк...

– Бутурлин, голубчик! – со счастливой улыбкой на лице влетел в комнату к Бутурлину князь Андрей. – Что же, свинтус ты порядочный, батюшке моему наговорил? Ведь я тебя ненароком там, на плацу, мог бы и убить!

– Помилуй, Андре, – развел руки в стороны Бутурлин. – Сам не понимаю, как со мною этакое чудо могло случиться? – Весь его растерянный вид был серьезным донельзя, и лишь глаза его одни смеялись: «Но, согласись, Андре, ловкую историю я на ходу для твоего батюшки про нашу Жаннет сочинил? И она, молодец, не растерялась. Точно мне подыграла. Ведь мы с ней заранее не договаривались!»

– Да что за день удивительный такой? – вслух произнес князь Андрей свою мысль, пришедшую к нему в голову. – Только глазами со мной все и разговаривают! Сейчас – ты; только что – часовые, батюшка!

– И о чем же?

– О чем? – задумался князь Андрей. – О чем часовые, я тебе пока не скажу.

– Да мне и не надо говорить. Я и сам знаю, о чем часовые с влюбленными разговаривают!

– Знаешь? – неподдельно удивился князь Андрей.

– Что же ты думаешь, я не влюблялся никогда?

– Да, конечно, извини. Ты и сейчас, наверное, в кого-нибудь влюблен! – и князь Андрей посмотрел на Бутурлина: – В кого? – Бутурлин помрачнел. – В Жаннет? – Бутурлин не ответил. – Да как же я раньше не догадался? – густо покраснел князь Андрей и быстро заговорил: – Милый, Бутурлин, голубчик, я готов!

– Готов? К чему готов?

– Стреляться готов с тобой!

– Стреляться? – удивился Бутурлин. – Из-за чего нам с тобой, Андре, стреляться?

– Как из-за чего? – оторопел князь Андрей. – Из-за Жаннет! Но только знай, у меня с ней ничего еще не было.

– Как ничего не было? – рассмеялся неожиданно Бутурлин и тут же обнял юного князя. – Извини, Андре. А то, действительно, до пистолетов с тобой договоримся. Извини. А Жаннет мне нравится, – добавил серьезно, – но и только. И забудем, что я тебе сказал. – Отошел от князя Андрея, сделал шаг по комнате. – И что же твой, батюшка, в комнату меня такую определил? Чем я ему не понравился, чем не угодил?

– Напротив! В этой комнате в прошлом году Александр Васильевич Суворов останавливался. Мы ее теперь потому комнатой генералиссимуса и называем. – И хотя князь Андрей сказал истинную правду, но тут же покраснел, так как солгал.

Вот ведь как бывает с нами: вроде бы и правду говорим, а врем. Может из-за того, что не всю правду говорим, что-то умалчиваем?

Прежнее название у комнаты было – казематная. В нее старый князь за провинности своих слуг сажал.

Нет, упаси Боже, Александр Васильевич Суворов сам себе выбрал эту, в три аршина, комнату с зарешеченным окном, голыми стенами, деревянным топчаном и привинченным к

полу табуретом. Гневно старый князь тогда на него обиделся за этот его выбор, но слуг своих в эту комнату перестал сажать.

– Вон оно как! – насмешливо изумился Бутурлин. – Он меня чести удостоил, а я и не понял: думал – под арест посадил.

– Если она тебе не понравилась, выбери себе другую! – простодушно сказал князь Андрей.

– Да теперь уж нет, непременно я тут останусь. Я люблю, когда со мной такие анекдоты случаются, особенно исторические! – И они оба разом захохотали.

– Послушай, Бутурлин, голубчик, – престав смеяться, спросил князь Андрей, – а тот анекдот, что батюшке рассказал, ты сам выдумал?

– Помилуй Бог, нет! – еще громче засмеялся Бутурлин. – Нам с Жаннет его вчера в трактире один драгунский ротмистр рассказал.

– А с чего это вдруг он вам его рассказал?

– С чего? – перестал смеяться и Бутурлин – посмотрел внимательно на князя Андрея. – Да ты, верно, знал эту помещицу и ее дочь? Прости. Еще раз прости. Вот из-за чего на плацу ты хотел меня убить. Но Богом клянусь, без злого умысла рассказал и от себя ничего не придумал. Только драгунского ротмистра на Жаннет заменил. Он один при пожаре и спасся! Да что с тобой, Андре? Тот драгун у них в доме случайно оказался. Заболел в дороге белой горячкой – вот его лечиться у них и оставили. А твоей Параше в ту пору там и вовсе не было. Она у подруги своей гостила.

– Голубчик, милый Бутурлин, почему же ты раньше мне об этом не рассказал? – засиял опять было нахмурившийся князь Андрей. – Как пришел из трактира, так бы сразу и рассказал!

– Да откуда мне знать, что ты с ними был знаком? – И Бутурлин еще что-то хотел сказать князю Андрею, но не успел. Такой вдруг вопль оглушительный из отдушины в стене раздался, что Бутурлин от неожиданности вздрогнул и даже чуть голову не пригнул. А ведь привычный был человек: и под пулями стоял, и ядрам неприятельским никогда не кланялся! – Что это? – спросил он князя Андрея, когда вопль повторился. Вопль был похож на вопль человека, которому только что отрубили топором руку или ногу.

– Колокольчик, – ответил князь Андрей и тут же пояснил: – К обеду нас зовут.

– Хорош колокольчик, – насмешливо сказал Бутурлин, заглянув в отдушину.

Там по локоть отрубленная рука держала за ухо отрубленную голову. И он не отпрянул, когда пальцы отрубленной руки ухо у этой головы вдруг стали выкручивать – и из развернувшегося рта раздался очередной вопль.

– Пойдем. Потом рассмотришь, – заторопил князь Андрей Бутурлина.

Старый князь не любил, когда кто-нибудь опаздывал к обеду. Да и не обед это был вовсе в обычном понимании этого слова.

Конечно, никто из-за стола княжеского голодным не вставал. Наоборот, старый князь следил, чтобы все неукоснительно ели, что им подают. Но назвать обед у старого князя обедом – это все равно, что назвать отрубленную голову в отдушине колокольчиком! Поэтому я заранее предупреждаю вас, готовьтесь к неожиданностям.

И еще. В этом, как говорится, вся соль, т. е. суть обеда. Старый князь приглашал к своему столу ровно тринадцать человек. С трепетом шли к нему обедать, гадая – кто же из них сегодня будет тринадцатым? Старый князь, надо отдать ему должное, долго не томил их: сразу же указывал тринадцатому сесть напротив себя – на иудин стул!

Глава шестнадцатая

Паноптикум, красильня.
По роже б кирпичом!
Ну а при чем Россия?
Россия-то при чем?
МаринаКудимова

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг.

Гоголь

В этот раз он указал сесть напротив себя управляющему.

Управляющий, господин лет сорока пяти, приятной и благородной наружности (он был из разорившихся дворян – и весьма родовитых) с цинично подчеркнутым равнодушием сел на указанный князем стул: не раз он на нем сиживал – и не раз еще будет!

Фамилию его, имя и отчество называть я не буду. Уж очень подленькую и гадкую роль сыграл он в моем романе – и в своей реальной жизни. Поэтому не хотелось бы его потомков огорчать и компрометировать.

А впрочем, вот вам его имя и отчество – да заодно и фамилия.

Павел Петрович Чичиков!

Нет-нет, избави Бог, с гоголевским Чичиковым ничего не имеет общего. У Гоголя – вымышленный, литературный персонаж, а у меня, как вы знаете, подлинный!

Христофор Карлович, сидевший по правую княжескую руку, аж весь затрепетал от этой циничной равнодушности управляющего.

Особенно его возмутила циничность, с которой управляющий разгладил свои пышные черные бакенбарды, чтобы они не мешали ему есть черепаший суп.

Еще один его циничный жест – и быть бы непременно трибуналу!

Впрочем, старый князь нахмурил брови – и предостерегающе взглянул на Христофора Карловича. Христофор Карлович успокоился.

– Паноптикум! – тихо, но отчетливо сказал Бутурлин, когда рассмотрел всех собравшихся за столом.

– Полковник Синяков! – не расслышал сидевший с ним рядом старичок – и рывкнул, т. е. представился Бутурлину. А может, и расслышал. – Паноптикум? – переспросил он Бутурлина. – Редкая фамилия. Из греков будете?

– Почти, – решил поддержать разговор шутник Бутурлин. – А вы полком князя тут командуете? – спросил он старичка – и улыбнулся князю Андрею, приглашая его присоединиться к его забаве над полковником Синяковым. Она обещала быть превеселой.

– Совершенно точно! – похвалил старичок Бутурлина. – Полком князя Ростова Николая Андреевича!

– А велик ли полк? – стараясь не рассмеяться, спросил Бутурлин.

– Как и положено ему быть, – уклончиво ответил полковник.

– А артиллерия есть?

– Есть артиллерия. Как ей не быть? – изумился старичок наивности вопроса вроде бы военного человека. Даже на мундир его конногвардейский посмотрел: не в штатском ли? Может, сослепу не разглядел?

Когда разглядел, удивился еще сильнее, но ничего не сказал. А Бутурлина уже пошатывало от внутреннего хохота, бушевавшего у него в груди, но он решил еще потерпеть – и задал своей очередной вопрос:

– У вас, поди, и кавалерия есть?

– Нет, кавалерии у нас нет. Нам она без надобности, – ответил с достоинством полковник. И пояснил: – У нас вместо нее черкесы!

– Жаль, – разочарованно проговорил Бутурлин. – Я бы в вашу кавалерию непременно записался.

– Полковник Синяков, Петр Владимирович, о чем вы там с штабс-ротмистром Бутурлиным так горячо разговариваете? – раздался вдруг легкий и веселый голос старого князя.

– С каким Бутурлиным, ваша светлость? – старичок недоуменно посмотрел вокруг себя. – Нет тут никакого Бутурлина.

– Да как же нет? – еще веселей заговорил старый князь. – Он же с вами рядом сидит, справа от вас, в белом мундире!

– Справа? – совсем растерялся старичок-полковник. Посмотрел на Бутурлина – и сказал, видно, наконец-то сообразив, с кем он только что разговаривал: – Правильно, ваша светлость, с этим молодым человеком в белом мундире... Только ведь он не Бутурлиным представился!

– А кем же? – теперь уже изумился старый князь.

– Греком, ваша светлость! – бодро ответил полковник.

– Да какой же он грек, помилуйте, Петр Владимирович? – спросил все еще весело старый князь, но в голосе его зазвенело уже насмешливое раздражение на старичка-полковника. У белокурого красавца с голубыми глазищами, если и было что греческое, так это его правильный греческий нос.

– Так я ему и не поверил, ваша светлость, что он грек! – вывернулся старичок-полковник. На лбу его выступила испарина, и он ее промокнул платком.

– Хвалю! – звонко выкрикнул старый князь – будто в ладоши хлопнул. – И все же, господин полковник, о чем вы с ним беседовали?

– Я с ним, ваша светлость, не беседовал! – ответил старичок. Понял, что сказал что-то не то, и тут же поспешно себя поправил: – Он мне вопросы задавал, а ему на них отвечал. Какая же это беседа, ваша светлость?

– Верно, Петр Владимирович, это не беседа! И какие же вопросы он вам задавал? – возвысился над обеденным столом князь Николай Андреевич. До этого момента он сидел и ел черепаший суп.

– Какая численность в нашем полку, есть ли артиллерия, много ли ее – и когда заведем мы свою кавалерию? – выпалил все разом старичок-полковник, чтобы, как говорится, разом и отлучиться.

Конечно, намного легче голову сразу положить под топор, чем четвертованию подвергнуться!

– И что вы ему, господин полковник, на все его вопросы ответили? – Теперь и голос старого князя возвысился, и не над столом, а над бездной кромешной, в которую кто-то сейчас полетит!

– А что я ему мог, ваша светлость, ответить? – Старичок-полковник зажмурился. Бездну эту самую он так, наверное, для себя представил.

Ясное дело, бездна ему не понравилась. И когда он открыл глаза, то сказал:

– Что я ему, лазутчику, мог ответить? У меня для лазутчиков, – заговорил вдруг он строго, – на все их вопросы один припасен ответ! – И господин полковник расхохотался: – Вот он, ваша светлость. – И он, отложив столовую ложку в сторону, показал из двух рук весьма неприличный жест.

– Господин полковник, вы забываетесь! – резко встал из-за стола Бутурлин.

– Нет, это вы забылись, милостивый государь! – встал из-за стола и господин полковник.

– Если бы не ваши лета!..

– Что вам мои лета?

– Извольте. Я готов. На любых ваших условиях. – Бутурлин отставил стул и пошел прочь из столовой залы.

– Штабс-ротмистр Бутурлин, вернитесь, – сказал тихо старый князь. – Вы арестованы мной... как неприятельский лазутчик. – И все присутствующие на обеде, за исключением одного, застыли – будто это и не они вовсе, а их восковые фигуры застыли в тех позах, в коих застигла их историческая фраза князя Николая Андреевича Ростова!

И только управляющий невозмутимо продолжил разделять ножом и вилкой велико-лепно прожаренный ростбиф – и заодно и восковую тишину, воцарившуюся в зале.

И серебряный стук его ножа по фарфору тарелки бесцеремонен был и дерзок – ведь не ему подали эту тишину в качестве блюда.

Ел с чужой тарелки!

Что с того, что он знал заранее, или сделал вид, что знал, и потому не застигнут был врасплох и не пребывал, как все остальные, в электрическом потрясении?

Многие были посвящены, и посвящены задолго. Даже успели восковые свои фигуры приготовить – и по причине своей неотлучной занятости вместо себя на обед их выслать.

Эпитет у Гоголя я позаимствовал не случайно, конечно. Но вот ведь какие параллели пересеклись в неевклидовой геометрии нашей жизни.

У Гоголя я позаимствовал литературный эпитет, а Мейерхольд позаимствовал у князя Николая Андреевича Ростова театральный эпитет: вместо актеров в финальной сцене “Ревизора” (немая сцена) выкатил их восковые фигуры.

Вон, по левую руку старого князя, восковая фигура императрицы Елизаветы Петровны. Как живая сидит – и гневно на него – на него предерзкого смотрит!

Рядом с очаровательной Жаннет – Вольтер, но и он в философическом сарказме прямо-таки испепеляет управляющего.

Испепеляет и Мария Антуанет!

Но что ему, бездушному?

Как гильотиной ножом орудует; из-под рукава черного фрачного ледяной вопрос высверкивает: «Что, и вашу шейку нежную? С превеликим удовольствием!»

Но нет, не удастся ему это душегубное удовольствие исполнить.

Сам граф Сен-Жермен из-под кружевных рукавов своих фокусных две карты уже вытащил – и третью, в масть его каторжную, бубнового туза кладет!

И Александр Васильевич Суворов в летящем своем победном порыве со стула своего привстал и руку свою призывно вытянул – чудо-богатырей своих в атаку штыковую поднимает.

Еще бы мгновение – и они, чудо-богатыри суворовские, на штыки управляющего подняли!

Но тут раздалось не раскатисто русское у-р-р-а-а-а, а раскатистый хохот Бутурлина.

Будто он бутылку шампанского откупорил, за один глоток ее выпил – да об пол и разбил!

Управляющий даже вздрогнул и голову в плечи втянул – и вилку на тот же пол и выронил.

Вилка с куском ростбифа шмякнулась на пол – и того эффекта, что произвел хохот Бутурлина, разумеется, не произвела. Всем показалось даже, что управляющий не вилку обронил, а подхихикнул Бутурлину гаденько и подленько.

А Бутурлин радостно и безудержно хохотал!

Наконец-то, по крайней мере, для него обед этот в обществе восковых фигур закончился.

Но он ошибался.

Первым обед должен был покинуть тринадцатый из приглашенных – тот, кто сидел на иудином стуле, т. е. управляющий. Так что Бутурлину пришлось задержаться.

За стол, правда, он не сел. Остался стоять за два шага до закрытых дверей.

Двери почему-то перед ним не распахнулись, а ведь именно на том самом паркетном квадрате стоял, который механизм в действие и приводил.

Видно, у этого механизма еще какой-то был секрет: не перед всеми двери без разбору открывать.

Наверное, был.

По крайней мере, часовые возле двери как стояли истуканами, так истуканами и продолжали стоять. Ни на мгновение не усомнились в крепости двери и умности механизма: и без них, часовых, неприятельского лазутчика не пропустят и не выпустят!

Не сомневался и старый князь (ему ли сомневаться!) – и уже не смотрел на Бутурлина. Подождал, когда Бутурлин нахохочется, и сказал управляющему:

– А вы свободны!

– В каком смысле свободен, ваша светлость? – спросил управляющий и улыбнулся, словно старый князь пригласил его поиграть в слова, и он не прочь, но прежде надо бы договориться, как понимать то или иное слово – ведь у некоторых столько смыслов, что все и не упомнишь. А взгляд его от взгляда княжеского ртутью юркнул под стол, и сам он был готов за взглядом туда же ртутью по стулу соскользнуть – и по паркету прямо к ногам княжеским ртутным шариком и подкатиться.

– В трибунальном, – ответил старый князь – и поверг в восковое изумление управляющего.

Превратил все-таки и его, ртуть бездушную, в восковую фигуру.

В таком, трибунальном, смысле слово «свободен» он еще не знал.

– Христофор Карлович, примите у него отчет дел его и воздайте по заслугам... Ступай вон! – это крикнул он уже управляющему, и тот встал из-за стола, прошел мимо Бутурлина.

Двери перед ним распахнулись!

Глава семнадцатая

И не успели двери за управляющим сомкнуться, как возле Бутурлина возник сказочно Христофор Карлович.

Будто возле него всегда находился, но до поры до времени глаза его от себя отводил – как они, сказочники, это умеют, – а вот захотел ты меня о чем-то спросить – и вот он я – спрашивай.

И Бутурлин, разумеется, спросил. Как не спросить, раз кругом такие чудеса сказочные!

Что спросил, вы узнаете в следующей главе. И в той же главе открою я вам глаза, как это принято говорить, на Бутурлина, заодно и на Жаннет. А то вон она как со старым князем любезничает – обвораживает!

Глава восемнадцатая

Разобрал головоломку –
Не могу ее сложить.
Подскажи хоть ты потомку,
Как на свете надо жить...
Арсений Тарковский

Им нельзя без умолчаний
Век свой до конца прожить,
Ну а нам без примечаний,
Чтобы век их тот сложить!

И тем не менее – без примечаний будет эта глава. И в дальнейшем я попробую без них обойтись. Сам не люблю их. С ритма чтения сбивают – и с толку.

Честно скажу, что последнее свойство примечаний беспощадно использовал, но не с целью читателя в мистификацию историческую ввергнуть (читателя нашего никуда теперь не ввергнешь! – да и сотовый телефон всегда под рукой (как раньше энциклопедия) – враз можно исторические справки навести), – а жанр у моего романа просто такой (детективный) – и прежде чем что-то распутывать, надо напутать, и чем больше путаницы – тем лучше.

Но время теперь пришло распутывать, так что без примечаний и умолчаний!

Но вот ведь какой парадокс. Эта глава у меня сама по себе – одним большим примечанием к предыдущим главам и будет.

Итак!

Между Торжком и Выдропужском в декабре 1804 года бесследно пропало двадцать пять русских фельдгегерей – факт невероятный в истории России – и невозможный.

А вот все-таки пропало.

Нашлись злодеи, и злодеи опытные и бесстрашные, потому как чтобы на главном тракте государства напасть на вооруженных до зубов людей военных, опытных и проверенных (другим и не поручали возить государственные бумаги чрезвычайной важности и секретности), – это какое же надо было бесстрашие и опытность иметь? Ведь только от одного звука державного их колокольчика, фельдгегерского, у обычных наших дорожных разбойников, грабивших обычных наших путешественников, стыла кровь – и они врассыпную деру давали.

За этими опытными и бесстрашными злодеями стояли другие злодеи, еще более опытные (бесстрашие этим злодеям пока воздержимся приписать).

На след одного из этих злодеев (Человека в черном) Порфирий Петрович Тушин, не без помощи, конечно, Селифана – кучера своего, и напал. И тут же, на следующий день, на него самого напали!

Слава Богу, ушел.

Опыт помог – не дрогнула рука, артиллерийская точность не подвела, лошадки не выдали (лошадиной водкой их не напоили – вот они и не выдали).

А потом и Селифан не подвел – вызволил из беды, как не раз вызволял с малолетства самого Порфирия Петровича.

Вызвоять из тюрьмы Селифану, конечно, помогали, но мы умолчим кто, хотя дело это прошлое и весьма благородное. Ведь за спиной у тех и у этих злодеев еще третьи злодеи оказались.

Назовем мы их державными злодеями. Сразу же власть подключили, Порфирия Петровича в тюрьму упекли. Без державных людей, т. е. людей при должностях и чинах (по всей видимости, немалых!) это было бы сделать невозможно.

Так вот они и для тех людей, кто Селифану помогал, т. е. порох артиллерийский под тюремную стену подкладывал, чтобы он рванул эту стену точнехонько (без очередной контузии Порфирия Петровича), повод найдут, вернее – устроят, как Порфирию Петровичу устроили, души невинных людей загубив!

Взыщется им за это их злодеяние.

От Порфирия Петровича и взыщется! Но не всем, к сожалению, и не скоро.

Беда со здоровьем у Порфирия Петровича приключилась – беда большая.

Впал он в свое статуйное оцепенение – и который день в нем пребывает.

Лежит в потайной комнате у московского генерал-губернатора. Каждый час зеркало ко рту Прохор прикладывает: жив ли?

Почему Прохор, а не Селифан?

Пропал Селифан бесследно. Последний раз его в трактире с каким-то кучером видели. Пьян был неимоверно кучер, видно Селифан очень серьезный разговор с ним вел. Сам был трезв. Когда разговор они закончили, он этого кучера к себе на спину взвалил и куда-то унес.

С тех пор Селифана и не видели.

Через день кучера мертвым в сугробе нашли. Так что Селифан теперь, как и Порфирий Петрович, в разбойном розыске.

И одна надежда теперь у графа Ростопчина – на Жаннет!

Да-да, на Жаннет Моне – французскую актрису, актрисулю нашу.

И сразу же разъясню, что штабс-ротмистр Бутурлин придан ей в качестве ангела-хранителя самим генералом от кавалерии Саблуковым!

Как это удалось генералу, что белокурый красавец наш согласился только лишь ангелом-хранителем ее быть – и не больше, одному, как говорится, Богу ведомо.

Верите, едва удержался, чтоб не заставить вас опять в мое примечание нырнуть. Но удержался. Честное слово ведь дал. Честное слово и генерал с Бутурлина взял, что ангел он ее и хранитель – но не больше. Но как удалось у него это честное слово вытянуть, вырвать, одному Богу известно – и тут без всяких примечаний!

Приведу только ту часть общего разговора штабс-ротмистра Бутурлина с генералом от кавалерии Саблуковым и московским генерал-губернатором Ростопчиным, где они обговаривали технические детали плана операции, название которой сам придумал Ростопчин («Кордебалет»), – и сам же он эту операцию и удумал, но не без участия деятельного капитана артиллерии в отставке Порфирия Петровича.

– ...Кутеж вы такой дерзости устроите, – распушил брови Ростопчин, – что я зачинщика главного, т. е. вас, штабс-ротмистр, из Москвы выдворю.

– А других кутежей, ваше превосходительство, у нас и не бывает! – тут же заверил предрезко московского генерал-губернатора Ростопчина Бутурлин.

Очень не понравилось ему, что их конногвардейский кутеж в их генеральские затеи впутывают.

– Василий, – тут же вмешался генерал Саблуков, – я тебе приказать не могу, только попросить. – И генерал заговорил с Бутурлиным на понятном только им двоим языке. Языке общих дел, в которых они оба принимали участие. Подлых дел в послужном их списке не было: ни против чести собственной, ни против чести Отечества. – А ты знаешь, что я редко прошу. Это как раз тот случай. Поверь, если бы была возможность без вашего кутежа обойтись!..

– Что ж, – ответил Бутурлин, – пусть и мое похмелье хоть раз Отечеству послужит. А то столько шампанского извел на него – пора ему и честь знать. – И не удержался – засмеялся: –

К награде его только не надо представлять!.. – Хотел добавить: «Как мой мундир к награде представил государь».

Не мундир и не за мундир, конечно, император Павел I наградил Бутурлина.

Он был тем самым молодцом-конногвардейцем, что одолжил государю свой мундир в ту мартовскую ночь, а сам в исподнем и босиком еще с час бегал по царскому дворцу – вылавливал заговорщиков. Они, устрешенные его нелепым видом, думали, что он им не наяву, а в белой горячке явился, – даже не сопротивлялись.

Это и вспомнил Бутурлин и потому ошибся, сказав о своем похмелье во множественном числе:

– Рассолом обойдутся. – А получилось на слух, что о своем похмелье как о важной персоне сказал.

Сии словесные экзерсисы Бутурлина Ростопчин мимо ушей пропустил и продолжил:

– Как вам французских актрисок на кутеж соблазнить, думаю, штабс-ротмистр, не мне Вас учить. А князь Андрей Ростов на ваш кутеж сам прибежит – вы уж не прогоните его.

Почему так был уверен Ростопчин, что юный князь сам прибежит, до сих пор не пойму!

Ах, Боже мой, догадался. Это же ему Порфирий Петрович...

То-то он с такой уверенностью ядра его, Бутурлина, судьбы в него же и запускал. Что Жаннет он юному князю Андрею на пари проиграет. Сорт даже шампанского угадал, которое в серебряное ведерко нальют. И потом только раздраженно возражал, когда вдруг Бутурлин стал предсказаниям капитана артиллерии перечить.

– Как это сразу я среди них вашу Жаннет узнаю? Знак какой подаст?

– Незачем ей знаки будет тебе подавать, да и не успеет. Вам уж руки будут разнимать, да из ведерка лед вытряхивать!

– Она в твоём вкусе, – объяснил прозаически генерал Саблуков Бутурлину сказочную проницательность графа Ростопчина. И сразу же предостерег (тут проницательности никакой не надо было): – Но если позволишь себе в нее влюбиться!.. Ты не только себя погубишь – ты ее погубишь! – в предсказания Порфирия Петровича генерал тоже был посвящен, но не сильно в них еще верил.

– Россию погубишь, если вздумаешь волочиться за ней там, в расположении поместья князя Ростова! – точнее и весомей выразился Ростопчин.

Приступ Порфирия Петровича был короток. Только до полосатого княжеского шлагбаума Ростопчин за Бутурлина мог поручиться, что он не будет ухлестывать за Жаннет, и тут же грозно изрек (это он знал без предсказаний Порфирия Петровича):

– Вот еще что, штабс-ротмистр. Хочу предупредить: самый опасный для вас там будет Христофор Карлович Бенкендорф! Ухо с ним – остро. Вид у него сказочника, а у князя он за тайную канцелярию.

И теперь, когда эта тайная канцелярия возникла сказочно возле Бутурлина, он ничуть не был этому удивлен. Так сказочно только она одна и умела это делать. И тут же спросил:

– Ну, какую сказку еще сочинила про меня ваша тайная канцелярия? – и от этих слов не только в омут, а в примечание нырнешь:

– Буди, буди! Буди скорей, Федор Васильевич, Порфирия Петровича! Хоть будем знать заранее.

Но лежит на диване капитан артиллерии в отставке – и волосы у него дыбом на голове! За одну ночь давешнюю вдруг выросли, будто знали, что днем им нужно будет знак предостерегающий подать.

Глава девятнадцатая

Христофор Карлович искренне удивился:

– Сказку? – брови его поднялись вверх, лоб наморщился. Его всегда поражала манера русских соединять несоединимое. Впрочем, считал он, лукавство русских слов им в этом помогало. Вот ведь и у слова этого тоже два несоединимых смысла. Сказка – это откровенная выдумка – и в то же время сказка – это деловой отчет! До высот легкого, воздушного русского разума, что и деловой отчет может быть сказкой в первом смысле этого слова, его тяжелый, земной немецкий разум не поднимался – и потому отвергал! Деловой отчет – отчетом, а ваше лукавое парение мысли – на землю. И он сказал Бутурлину по-русски без малейшего акцента с немецкой прямоотой: – Ее мы вам предоставим через две недели. До этого срока вам надлежит, будучи у князя Николая Андреевича Ростова на правах гостя, не покидать расположение его поместья. – Старый князь приказал ему выяснить: кто и зачем подослал Бутурлина и его спутницу к нему в поместье. Сроку дал две недели.

– Это как же вас понимать? – засмеялся Бутурлин. – Вы запутали совсем меня вашим русским! – И сказал насмешливо: – П-пудучи гостям... не покидать!.. Несуразица какая. Скажите мне прямо на моем – немецком.

– Не надо меня путать вашими лукавыми словами! Я всю жизнь прожил в России. И вы меня отлично поняли, штабс-ротмистр Бутурлин. – И Христофор Карлович сказал певуче с нарочитым прибалтийским акцентом: – Что я вам хотел сказать.

Бутурлин рассмеялся:

– Ну вот давно бы так!

– Что вы еще хотите от меня узнать?

– Да вы ведь не скажете.

– Скажу. Спрашивайте.

– Через две недели что с нами будет?

– Если вы, Бутурлин, дадите честное слово, то вас отпустят. – Христофор Карлович замолчал и приготовился выслушать следующий вопрос Бутурлина.

– Я спросил не только о себе, но и о своей спутнице. С ней что будет?

– На этот вопрос я не уполномочен отвечать. Если хотите, спросите у князя.

– Я потом спрошу, – посмотрев на старого князя, сказал Бутурлин – и улыбнулся Христофору Карловичу. Князь увлеченно беседовал с Жаннет. – А если я не дам вам честного слова, какая участь меня ожидает? – ледяным тоном спросил вдруг Бутурлин.

– Участь неприятельского лазутчика. – Христофор Карлович замолчал. Говорить, что его расстреляют, он не стал. Счел за лишнее. Будучи военным человеком, Бутурлин отлично знал сам, как поступают с пойманными неприятельскими лазутчиками.

– А того... в отдушине вы тоже расстреляли... или предпочли четвертовать?

– Благодарю, что напомнили. Князь запретил вам входить в ту комнату. Выберете себе любую другую. Больше вопросов ко мне нет?

– Больше нет. Только ведь вы мне не ответили: четвертовали вы сразу восковую фигуру императора Франции Наполеона или сначала расстреляли... как неприятельского лазутчика... а уж потом вместо колокольчика и повесили?

– Нет, сначала мы в своей тайной канцелярии сказку на него сочинили – и только потом он у нас из отдушины колокольчиком зазвенел! – и Христофор Карлович позволил себе улыбнуться над своей шуткой. И пошел через всю залу к маленькой дверце в углу, куда слуги стали сносить восковые фигуры.

В черном своем сюртуке он походил, действительно, на сказочника. Бутурлин даже принял поначалу бант в черной косе его парика за бабочку, которая посреди зимы залетела вдруг в княжеский дом – да и села ему на спину. Сейчас поймет, куда ее угораздило сесть – и упорхнет на мороз. Там теплей. Нет, не улетела. Она тоже была из воска – как и все герои его сказок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.